

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

ДАР ЛЕММИНГОВ

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

Дар Леммингов

«Автор»

2023

Кузнецов Е.

Дар Леммингов / Е. Кузнецов — «Автор», 2023

Два мира, похожие лишь в одном — в них нет места слабым. Несколько людей пытаются вырваться за пределы отмеренной им судьбы. Лемминг — дерзкий подросток с опасными мыслями, Петя — парень, мечтающий о свободе, Маша — девочка с ушами, как у сказочного эльфа, и Лука — врач, для которого любовь важнее приказов. Их пути пересекаются с циничными чиновниками, загадочными предпринимателями, цирком с невиданными зверями и системой, способной перемолоть любого, кто выбьется из строя. Но даже там, где каждый шаг может обернуться ловушкой, остаётся место дружбе, дерзости и тихим мечтам — тем, что могут изменить всё.

© Кузнецов Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1.	6
0.	7
1.	9
2.	12
3.	14
4.	18
5.	25
6.	26
7.	32
8.	35
9.	39
10.	44
11.	50
12.	58
13.	62
Часть 2.	64
1.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Евгений Кузнецов

Дар Леммингов

Я выражаю благодарность своей семье, Полине С., Дарье Б., Дарье Н., Виктории В., а также всем, кто поддерживал меня все эти годы, – без вас эта книга никогда бы не увидела свет.

«Кажется, я знаю, что будет дальше. Всё знаю. Ничто меня уже не удивит. Я потерял счёт времени, записывая эти строки, обдумывая исход за исходом. Тебя (меня?), как только выйдешь ты из этого леса, окружают десятки, а то и сотни людей – застывших, пустых, окаменевших душ. А, впрочем, есть ли у них душа? Стерильные организмы, пустые глаза – да и только... А если всё-таки они живые, горящие, любящие, если их сердце не только перегоняет кровь, а откликается на колебания окружающего мира...? И всё-таки не удивит.

Поскорее бы кончить это...»

Часть 1.

0.

В городе, погрязшем во лжи, лицемерии, преступности, нечистотах, в городе, утонувшем в ядовитых газах заводов и фабрик, царила зима. Чёрный снег валил хлопьями. Ветер грозно завывал, заглядывал в треснувшие стёкла жилых девятиэтажных домов с пожелтевшими фасадами. Где-то леденел указатель с названием этого города, кусочка ада. Ада заледеневшего. И едва ли можно было разобрать, что написано на этом указателе, испорченным красками кислотных цветов. Впрочем, если кто-нибудь забудет, как называется этот город, то он может отправиться в центр, к мэрии, и прочитать большие буквы на крыше: «*Пислета Ваш город наша забота*». Эти буквы, кстати, должны были сиять зелёным неоном, после слова «Пислета» планировался восклицательный знак, а между «*город*» и «*наша*» потерялось тире. Но чиновники во главе с мэром решили, что устанавливать подсветку и закупать металл для каких-то тире и восклицательных знаков – очень дорого. Сэкономленные деньги пропали без вести. На восточной окраине города в одном из узких грязных дворов остановилась полицейская машина – обычное явление. Из неё вышли два офицера в казённых пуховиках и шапках-ушанках, прошли мимо убиравшего снег дворника в ярко-оранжевом жилете, и скрылись за дверью подъезда, где пахло плесенью и сигаретами, где царили полумрак и холод. Там, поднявшись на второй этаж, стали стучать в дверь квартиры 228. Никто не отозвался. Тогда один из них достал из глубокого кармана пуховика связку ключей и открыл замок. Офицеры оказались в небольшой узкой комнате с единственным окном. Комната весьма обычная: кровать вдоль стены, напротив неё шкаф, а между ними, под окном, рабочий стол, с аккуратно сложенными на нём книгами и бумагами. Запах апельсинов. Бежевые обои с незамысловатым узором на стенах, чистый пол.

– Нужно снять обувь, а то снег тает, – прошептал офицер.

– Поделом, – равнодушно ответил второй. – Высохнет.

Оба офицера подошли к столу и стали перебирать бумаги: чертежи, зарисовки и эскизы.

– Смотри, – офицер показал тетрадный листок с нарисованным чудным животным: похожим на медведя, но с двумя изогнутыми короткими рогами.

– Таких не бывает. Парень, видимо, фантазёр.

– Я слышал, он выиграл олимпиады по биологии, литературе и физике, оставив на вторых местах сына мэра и дочь Манткаригсова.

Офицер нашёл в ящике стола потрёпанный блокнот. В нём аккуратно строгим острым почерком на неизвестном языке были исписаны все страницы. Иногда записи прерывались зарисовками пейзажей и чертежами каких-то строений.

– Ничего подозрительного тут нет, – вздохнул офицер, убирая блокнот обратно в ящик. – Пойдём отсюда.

– Может быть... – загадочно сказал второй офицер, доставая из кармана небольшой пакетик с белым порошком.

– Никак нет, – ответил первый. – Нам давали приказ проверить на наличие чего-нибудь подозрительного, а не это.

– Может быть, генерал, говоря «проверить», имел в виду «подбросить»?

Этот вопрос заставил первого офицера задуматься на несколько секунд.

– Чёрт его знает. Пошли отсюда. Вернёмся в случае чего.

«На нашей необъятной земле никогда нет нуждающихся!» – кричали лозунги красных плакатов, повсеместно развёрнутых на серых кирпичных стенах пятиэтажных домов прибрежного города Высокий Мыс. Люди, на которых вдруг нашло озарение, которые остановились посреди улицы, понимая, что *«чего-то»* не хватает, читали это восклицание, убеждаясь в обратном: *«Всего хватает! Всё в избытке!»* Высокий Мыс – типичный городок Союза: застройка пятиэтажными многоквартирными домами, широкие дворы, узкие прямые улицы, ровные кварталы; и только море хоть как-то скрашивало этот серый урбанистический пейзаж. Но и вода в море какая-то серая, и песок. Даже в солнечные дни, кои тут в силу географического положения постоянны, выглядит этот город серым, бесцветным. Впрочем, чтобы горожане не замечали этой серости, Горком часто устраивает концерты, на которых местные артисты поют группу «Союз». *«Жизнь ярка! Жизнь весела...»* – самая главная и знаменитая строчка их песен. Люди, наслушавшись жизнерадостных концертов, расходятся по домам довольные и счастливые. Не приходиться на эти концерты нельзя: за неявкой последуют жёсткие санкции со стороны милиции. Впрочем, нет тех, добровольно оставляющих места в концертном зале ДК пустыми; разве что дети и подростки: на них закон пока не распространяется.

1.

В полдень воскресенья на машиностроительной базе трое учеников девятого класса одной из школ города Высокий Мыс ждали грузовик, который им предстояло разгрузить в рамках Общественных работ, назначавшихся директором школы за нарушение дисциплины. База, будто муравейник, находилась в движении. Механики, слесари сновали по территории; шум сварки, грохот молотков нарушили майскую тишину начала дня. Светловолосый среднего роста парень Петя сидел под деревом на капоте ржавой машины и курил, поглядывая поверх тёмных очков на своих непринуждённо беседующих в сторонке одноклассников. Сергей, загорелый крупный парень, что-то рассказывал Маше, отчего та звонко смеялась. Повернувшись к Пете, она крикнула:

– Ты чего там сидишь? Иди сюда!

Петя выбросил в сторону окурков, неохотно слез с капота и направился к одноклассникам.

Когда-то Маша и Петя были лучшими друзьями, общались сутками напролёт и никогда не ссорились. Но потом что-то между ними произошло: они перестали созваниваться, здороваться. В лучшем случае могли перекинуться парой фраз, парой шуток в школьном коридоре.

– Ты чего? — Маша улыбнулась подошедшему Пете. – Смотри, какое утро чудесное! А ты мрачнее тучи.

– В такое утро я бы предпочёл спать, а не разгружать грузовики, – буркнул Петя.

– Сколько часов работ у тебя осталось? – спросил Сергей.

– Час, – ответил Петя.

– Везёт! – всплеснула руками Маша. – А мне ещё три назначили.

На Маше – белое платьице в розовый горошек, радужные колготки, балетки. Волосы у Маши короткие, тёмно-русые.

– Где ты постоянно берёшь такие вещи? – спросил Петя, равнодушно глядя в сторону.

– Сама шью! – весело ответила девушка.

– А родители что говорят? – Петя повернулся к Маше, посмотрел на её уши; если бы не тёмные очки, она бы увидела злобный блеск в его глазах. – А, я забыл, у тебя же их нет.

Уши у Маши треугольные, можно сказать, эльфийские, что делает её похожей скорее на сказочное существо, чем на человека. Ни у кого во всём Союзе таких ушей нет. Из этого можно сделать вывод, что её воспитывают не биологические родители.

Слова Пети задела Машу. Улыбка мгновенно исчезла с её лица. Губы задрожали, а глаза заблестели. И она хотела крикнуть что-то, но не успела: на базу въехал грузовик и остановился рядом с ребятами. Шофёр вышел из кабины с папкой и спросил:

– Кто у вас ответственный?

Маша, секунду назад готовая разрыдаться, улыбнулась и уверенно сказала:

– Я!

– Нужно расписаться в документах, – шофёр протянул закреплённый на папке-планшете лист. – Расписались? Хорошо. Ящики с синими бирками тащите в малярный цех, а ящики с красными в столярный.

Ребята принялись за дело. Сергей, будучи парнем крупным и сильным, мог перетащить один ящик в одиночку. Маша и Петя делали это вдвоём.

– Ты извини меня, – сказал Петя однокласснице, когда они поставили ящик с красной биркой в углу цеха. – Я не должен был так говорить, мне очень стыдно.

– Всё в порядке, – улыбнулась Маша.

– Мне нужно с тобой кое-что обсудить. Ты свободна после работ?

– Да.

И продолжили таскать ящики. И до конца разгрузки словом больше не обмолвились. Через час с небольшим, когда водитель проставил подписи в документе о завершении общественных работ, ребята попрощались у главных ворот. Сергей ушёл в центр города, Петя и Маша направились в другую сторону, к окраинам.

Майское солнце припекало. Во дворе на ветру покачивалось бельё, сушившееся на верёвках. Цвели каштаны. Слышались велосипедные звонки ребяташек-учеников начальных классов, которые ездили от подъезда к подъезду и расклеивали красные плакаты. Серый кот лениво развалился на тротуаре и равнодушно смотрел вслед молча идущим Маше и Пете.

– Как странно, – вдруг сказал Петя. – Ты со всеми такая весёлая, болтливая, а со мной идёшь как-то понуро.

– Скажу что-нибудь, а ты опять оскорблять начнёшь.

– Извини меня. Я это сделал, потому что завидую тебе. Ты такая... такая... потом скажу.

– Почему потом? Давай сейчас!

– Нет.

– Ну пожалуйста!

– Нет. Когда придём.

Ребята покинули жилые районы города, прошли по небольшой каштановой роще и оказались у ручья, который был когда-то быстрой глубокой речкой. Петя повёл Машу вверх по крутому берегу, по узенькой тропинке, заросшей папоротником. Так дошли до железнодорожного моста, по которому в этот момент мчался поезд. Площадка на массивной бетонной опоре и была тем местом, куда Петя вёл Машу. На опоре валялся матрас, на нём, вместо подушки, лежал рюкзак.

– Я в последнее время часто здесь бываю.

– Здесь странно, – Маша присела на пыльном краю опоры.

Вдали блестели крыши домов.

– Думаю поселиться здесь, – сказал Петя, усаживаясь рядом с Машей.

– Зачем?

– Просто. Настроение такое.

– А как же родители?

– А что родители?

– Волноваться будут.

Петя достал из кармана пачку сигарет, задумчиво повертел её в руках и сказал, обращаясь к Маше:

– Ты необычная.

– Опять ты про мои уши... – обижено ответила девушка.

– Нет, не про уши. Ты необычная вообще, – парень помолчал, пытаясь подобрать нужные слова. – Ты необычно одеваешься, у тебя волосы короткие. Все считают это дурным и неприемлемым...

– А ты как считаешь? – перебила Маша.

– Мне это очень нравится. Ты выделяешься на фоне всех. Ты будто из другого мира. И поэтому я завидую тебе, ведь хочу быть таким же необычным.

Маша улыбнулась.

– Спасибо за комплименты, но не нужно быть мной, нужно быть самим собой, делать то, что нравится.

Петя не ответил. Тишина. Лишь ручей где-то внизу журчал тихо, да птицы пели незамысловатые мелодии.

– Но всё-таки, зачем тебе тут жить? – спросила Маша.

– Потому что здесь я могу быть тем, кем ты и сказала: самим собой. Там, внизу, я просто парень с решённой судьбой... Ты не поймёшь, – вздохнул Петя.

– Возможно, – согласилась Маша.

Петя продолжил говорить. Ему было важно то, что он говорит.

– Закончу школу, отправят в училище. После училища замену своего отца на заводе. Потом экзамен на лицензию деторождения. Потом сын или дочь. Школа, училище и всё по новой.

– Ну, все так живут, – пожала плечами Маша.

– И это разве хорошо? Жизнь каждого, как жизнь всех...

Лицо Маши сделалось серьёзным.

– Твои мысли очень опасны. Я тебя понимаю, но, возможно, что я единственный человек во всём Союзе, кто тебя понимает и не осуждает, – Маша оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. – Пожалуйста, будь осторожен.

Ещё долго Маша и Петя сидели на мосту и разговаривали. Петя был непреклонен в своём желании поселиться здесь. Маша обещала каждый день навещать его и приносить еду.

– А где ты будешь брать консервы? – спросил Петя.

– Конечно, воровать на складе! – ответила девушка с шутливой улыбкой.

2.

Квартиры простых семей Союза совсем не отличаются друг от друга. Очень тесно. Разве что второй ребёнок (на которого ещё нужно получить разрешение) даёт обывателям право на вторую комнату. Тут и там, и снизу, и сверху, и у соседей за стеной есть абсолютно одинаковый комплект мебели, бежевый испачканный временем линолеум, настенный красный ковёр у кровати и часы с маятником и громкой кукушкой, не способной никого потревожить, потому что к ней все так привыкли. Одну из стен комнаты или обеих комнат, если семья имеет льготу, занимает шкаф, который в народе прозвали Товарищем генералом Шкафом или просто Шкафцем. В нём хранится, всё, что можно. Среди его бесчисленных ящичков, шкафчиков и полочек обязательно присутствует книжная полка. Книжки от квартиры к квартире тоже ничем не отличаются: «История курсанта Отвагина» о доблестных подвигах молодого парня, защищающего границы, «Товарищ Петров» о простом мужичке, который работает не покладая рук, и множество других подобных произведений. Петровым и Отвагиным зачитываются до дыр. Фамилии этих персонажей стали нарицательными, а лица их успешно были зарисованы, прорисованы, проиллюстрированы и использованы в красных плакатах.

Есть ещё одна книга. Свод. Его читают перед сном дошкольникам, которые пока не могут постичь текстов «Курсанта...» и «Товарища...». На него ссылаются, когда дети задают каверзные вопросы о происхождении жизни и человека. Его как самый главный источник истины в своих выступлениях и в своих научных работах цитирует профессор Довголевский – возможно, самый известный и авторитетный человек в Союзе.

Основные положения мироздания, описанные в Своде, звучат так: планета Земля сформировалась около 4,5 миллиардов лет назад. Несколько позже самопроизвольно появилась жизнь и первые люди, которые не обладали каким-то особым интеллектом. Появились они, что важно, исключительно на территории современного Союза и были в состоянии вечной войны друг с другом. С течением времени люди начали уметь и становиться всё более и более могущественными, а, следовательно, их оружие становилось смертоноснее и смертоноснее. И когда количество душ заметно сократилось, а землю устлали трупы, один харизматичный мужчина по имени Панкратий призвал остановить кровопролитие и объединиться, создав государство, в котором будет царить гармония. Он уверял, что человек – существо миролюбивое, и, постигнув мир и любовь к другим, он обретёт счастье. Его речам многие поверили и объединились под его руководством в государство, получившее название Союз. Территорией решено было выбрать оба берега широкой реки, протекающей сквозь берёзовые рощи. Сейчас на этой реке стоит столица Великоград.

Сообща люди отстроили города, освоили новые территории и совершили огромный скачок в науке. Механизм государства был выстроен превосходно. Ещё при жизни Панкратий избрал двенадцать умнейших и мудрейших людей, чтобы они помогали руководить и взяли бразды правления в будущем. Потом, по мере необходимости и роста населения и территории, стали создаваться всевозможные министерства и ведомства. Государственный аппарат становился всё крепче и крепче. Все люди были рады работать на благо Союза и на благо каждого человека и каждой семьи. Что происходит и по сей день.

Но никуда не девались и те, кто в своё время не стал вставать на сторону Панкратия, чтобы не потерять так называемую свободу. Постоянно расширяющиеся границы и увеличивающаяся военная мощь Союза отгесняли этих людей, прозванных Чужаками, к Мёртвым Землям (Мёртвые Земли – то место, где жизнедеятельность человека невозможна). В конце концов, Чужаки стали объединяться в небольшие группы, тем самым увеличивая свою силу, и начали совершать постоянные атаки на границы Союза, но это не давало результатов. Чужаки

всё дальше и дальше отступали к Мёртвым Землям, пока границы не приняли такой вид, какой есть сейчас. Столкновения на границах продолжаются, но любому понятно, что *«Союз в этой войне победит!»*

В Своде мало что сказано про Мёртвые Земли. Лишь вскользь упоминается, что там выжжена трава, небо красное, будто полыхает, и воздух такой, что невозможно дышать. И если ребёнок задаётся вопросом: «Почему всё так?» – то родитель вправе пофантазировать на этот счёт. Да и никого кроме детей это не интересует. И дети потом забудут вообще о самом факте существования Мёртвых Земель, пока не придёт время читать Свод уже своим детям.

В Своде упоминается также рай и ад. Душа есть в каждом человеке, и если человек посвятил жизнь во благо Союза, то душа попадёт непременно в рай, где всё хорошо. В противном случае в ад, где царит вечный хаос. Что из себя представляют рай и ад, так же непонятно.

3.

Прошла неделя после того разговора на мосту. С тех пор Петя ни в городе, ни тем более в школе не появлялся. Ночевал он под мостом. Там он соорудил себе шалаш и костровище.

Небо заволокли беспросветные тучи, на горизонте замигали молнии, похолодало. Погода стала совсем несвойственной для этих мест.

Петя питался булочками из столовой, которые Маша приносила каждый день. Рацион – булочки и две-три сигареты в день, – пагубно сказывался на здоровье. Может быть, из-за этого чудилась Пете, что кто-то из кустов следит за ним. По этой же причине, может быть, казалось ему, что произойдёт что-то. Что-то неминуемо ужасное. Что-то, что разделит его жизнь на до и после. Но что бы ни произошло, в своих убеждениях он, как сам он думал, останется твёрд. И пусть его разыщут, наденут наручники, вернут в город к разгневанному отцу, дадут пару тыщ часов Общественных: он снова сбежит на свободу. А что такое свобода? Свобода, по мнению Пети, делать то, что хочется как хочется и когда хочется.

Утро. Парень сидел на краю опоры, свесив искусанные комарами ноги над ручьём, и думал о чём-то, глядя на низкую чернеющую тучу под серым небом. Он достал пачку сигарет из бокового кармана рюкзака (поразительно, как в этом государстве легко достать сигареты – украсть у отца; он всё равно не заметит, уж слишком много блоков вручает ему его предприятие), достал сигарету, достал коробок спичек, открыл его и увидел, что в нём осталась лишь одна спичка. «Только попробуй не загореться!» – угрожающе вслух сказал парень. Загорелась. Откуда-то сзади раздалось девичье хихиканье:

– Хи-хи, совсем одичал, со спичками разговаривает, – пролепетала Маша.

– Привет, – отозвался парень, делая затяжку. Девушка села рядом и так же, как и её друг, уставилась вдаль. Одета Маша на этот раз была в чёрную кофту на полосатую маечку, шорты, кеды и длинные узорчатые носки. В ушах красовались большие серьги-кольца, а запястья украшали вязаные браслеты. По сравнению с прошлыми нарядами, этот совсем тусклый, видимо под погоду надетый. Всё равно, явись она в таком в школу, её накажут. Не заметив ничего особенного в пасмурном пейзаже, девушка торжественно объявила:

– Я тебе тут поесть принесла, – после этих слов она вытащила из глубокого кармана кофты несколько банок с консервами.

– Ого! – приятно удивился Петя, но потом его лицо сделалось серьёзным. – Где ты их взяла?

– Какая разница? Главное, ты не останешься голодным. И извини, что я только сегодня их принесла, хотя обещала носить каждый день...

– Ты их своровала? Пожалуйста, скажи, что не своровала.

– Хорошо, не скажу.

– Если на складе не досчитаются этих банок, то весь город на уши встанет. Твоих родителей накажут! Мы должны это всё вернуть...

– Не бойся, я уверена, что меня никто не заметил, – махнула рукой Маша. – Ешь давай, или скажу, что это ты украл.

– Что?!

– Шучу я! – Маша рассмеялась. – Ешь-ешь, а то худой, как осинка.

Петя быстро и с удовольствием съел холодные солёные кусочки мяса.

– Когда ты всё-таки домой вернёшься? Твои родители переживают, в милицию заявили. Ко мне вчера после работ подошли офицеры и расспрашивали про тебя. Но я им ничего не сказала.

Петя пропустил вопрос про возвращение домой мимо ушей, но зацепился за фразу об Общественных работах.

– Сколько, кстати, у тебя часов отработки осталось?

– Четыре. Надеюсь, сегодня обнулюсь.

На край опоры приземлилась золотогрудая овсянка. Ребята это заметили и стали наблюдать: Маша с любопытством, а Петя с безразличием. Овсянка повертела головой, посмотрела маленькими чёрными глазками и улетела, видимо поняв, что тут её не накормят.

– Какие же они красивые! – сказала Маша, глядя вслед птичке.

– Аргх, – недовольно зарычал Петя. – Как громко они по утрам поют, спать невозможно...

– Да ладно тебе! Сидишь тут, ничего не делаешь целыми днями, а ещё недоволен.

– Почему же целыми днями? – спросил Петя. – Сегодня хотел на пляж вечером сходить.

Был бы рад твоей компании.

– А разрешение на купание у тебя есть? – задала вопрос Маша, ехидно улыбалась.

– Конечно!

Петя достал из кармана скомканный листок и протянул Маше.

– Это переписанная страница из учебника истории?

– Нет, посмотри внимательно, это разрешение на купание.

Маша нарочито торжественным голосом прочитала несколько строк, написанных корявым почерком: *«Все шлюпки неприятеля были потоплены величественным крейсером «Труд», разработанным в НИИИКС под руководством Григория Леонтьевича Довголевского. Наша победа заставила противника усомниться в собственных силах и признать могущество морских войск Союза...»*

– Да уж, к такому разрешению не придаться!

И оба рассмеялись.

Вечером Петя, добравшись каким-то окольными путями, избегая городских улиц, вышел на чистый песчаный пляж. Ни единой души не было на этом пляже, лишь чайки кружили в пасмурном небе, завывали печали. Холодный ветер поднимал волны, гнал их на берег. И вода едва не касалась Петиной обуви, пока он шёл к большому камню. На камень этот можно запрыгнуть и сесть, и, обняв коленки, смотреть на горизонт.

Маша с рюкзаком за спиной подошла к камню чуть позже и спросила:

– Чего это ты всё время пафосно и печально смотришь вдаль?

– Думаю, – сухо ответил Петя. – Интересно, что там, за горизонтом?

– Э... вода? – вспоминала Маша текст Свода.

– И ты в это веришь? – выдохнул Петя. – Единственный жилой клочок земли на огромной планете – земли Союза?

– Не знаю, – задумчиво произнесла Маша. – Ещё есть Мёртвые Земли... Мы всё равно никогда туда не доберёмся.

А у моря всё холодало. Облака становились плотнее.

– Слушай! – лукаво сказала Маша. – Помнишь, мы в детстве в порту залезли на баржу и проникли в капитанскую рубку?

– Аргх... А потом нас поймали и отругали, – недовольно ответил Петя.

– Да ладно тебе! – легонько ударила локтем своего друга Маша, – весело же было!

Петя отрицательно покачал головой.

– Да ты просто трусиха!

– И ничего я...

– Трусиха и зануда! – не унималась девушка. И глаза её горели радостью, как у ребёнка. И Петя, глядя на этот огонёк, понимал, что не подыгрывать – значит обидеть. И больше всего ему не хотелось когда-либо снова обижать Машу, ведь она такая искренняя, заботливая и такая... такая особенная. И наконец, оторвав свои бесцветные глаза от её сияющих глаз, согласился:

– Да, я трус. Вернее, был им до этой секунды. Ты знаешь, тут в сорока минутах ходьбы есть подозрительный забор, если хочешь...

– Хочу! – тут же воскликнула девушка.

И они пошли не спеша.

Маша что-то без умолку тараторила, Петя, погружённый в свои мысли, не слушал. Всё то же утреннее чувство слезки. Гадкое чувство. Кусты шуршали. Хотелось крикнуть: «Чего ты там прячешься? Выходи!» Но ответом был бы очередной порыв ветра.

Ребята шли гораздо дольше предполагаемых сорока минут. Уже стемнело. Берег становился круче. Петя повёл Машу по узкой почти заросшей тропинке, которая кончалась у стальных ворот высокого бетонного забора с красноречивой табличкой: «*Вход категорически запрещён!*»

– Мы пришли, – сказал очевидную вещь Петя. Ему вдруг захотелось, чтобы путь закончился здесь. Чтобы не ступала нога за плену неизвестности, находившуюся за этим забором. Всё-таки «*вход запрещён*», да не просто «*запрещён*», а «*категорически запрещён*». Значит есть что-то, отчего этот забор возведён. «*В Союзе никогда не делается что-то просто так!*» Может быть, там что-то опасное, может быть, что-то шокирующее. В любом случае, простой порядочный честный гражданин туда соваться без пропуска не должен. Впрочем, учитывая ржавый навесной замок на воротах, учитывая отсутствие какой-бы то ни было охраны, пропуск тут спрашивать никто не станет.

А Маша прямо-таки дрожала от нетерпения.

– Пойдём? – спросила девушка утвердительными тоном, приготовившись перелезть через забор.

– погоди, милая, – с иронией сказал Петя. – Темно уже. Заблудимся.

– Это не беда! У меня в рюкзаке фонарики есть, – подмигнула Маша. – Тебя посадить, или сам справишься?

– Это тебя посадить, – фыркнул парень, мысленно задавая вопрос: «Зачем тебе, дорогуша, понадобились фонарики и где ты их взяла?»

– Догоняй! – раздался голос Маши по ту сторону.

Петя с большим трудом перелез через забор и упал в кусты, пожалев, что надел сегодня шорты, а не какие-нибудь брюки. Впрочем, откуда бы взялись брюки, если парень, живя отшельником, не удосужился взять из одежды ничего, кроме шорт и лёгкого полосатого свитера. Хохочущая Маша помогла своему другу подняться и вручила фонарик.

Лучи фонариков выловили из темноты силуэты кустов и деревьев, пугающие своей странной формой. Небо прояснилось. Редкие пепельные облака медленно плыли прочь от моря, периодически закрывая месяц.

– Идём? – нетерпеливо спросила Маша, дёргая Петю за рукав.

– Идём. Только пообещай, что мы вернёмся.

– Обещаю.

Казалось, что с каждым шагом становилось всё темнее, и что однажды темнота победит острые фонариковые лучи. Было удивительно тихо, настолько тихо, что ребята слышали дыхание друг друга и странные лесные шорохи, которые в большинстве своём были плодом разыгравшегося воображения и страха, неизбежно приходящего к людям, бродящим по местам, где бродить не должны. Ветер преследовал ребят по пятам.

– Почему так дует? Мы же не по берегу идём, – недовольно пробурчал Петя. – Тебе не холодно? – спросил он подругу, но не дождавшись ответа, навёл на неё фонарик.

– Ай! Ты с ума сошёл? – воскликнула Маша, от мимолётной головной боли, которую причинил ей яркий свет. Она шла, надев капюшон, слегка сгорбившись, держа одну руку в кармане. Ей было определённно холодно, учитывая, что её длинные стройные ноги почти голые.

– Тебе дать мой свитер? – предложил Петя, но в ответ получил отказ и предложение ускориться, что, однако, сделать не получилось из-за темноты.

Постепенно лес начал редеть. Ребята вышли на небольшую полянку, залитую нежным голубоватым неизвестного происхождения небесным светом. Поляна была необычной...

– Это что, снег? – удивлённо спросила Маша своего не менее удивлённого друга, поднимая с земли гость чего-то белого и холодного. Действительно, по всей поляне лежал неглубокий слой снега. – Но откуда?

Петя, так же пощупав снег, умозаклучил:

– Мне кажется, именно поэтому поставили забор. Тут какая-то климатическая аномалия.

– Ну вот! – расстроилась Маша. – Я-то думала, что тут будет вход в какие-нибудь катакомбы. Обидно!

– Давай вернёмся?

Ребята обернулись; там, откуда они пришли, воцарилась темнота. Она пугала и отталкивала. И так хорошо, безопасно было на этой светлой поляне. И ребята решили остаться тут до рассвета: при дневном свете возвращаться безопаснее. И тут, несмотря на снег, тепло. Удивительно тепло.

– А тебя родители искать не станут? – строго, будто рядом с ним младшая сестра, спросил Петя.

– А ты чего, волнуешься за меня? – кокетливо ответила Маша, вогнав своего друга в краску.

Ребята увидели выложенное камнями место для костра. Петя выгреб золу, а Маша нашла сухую кору и ветки. Вдвоём подтащили лежавшее неподалёку бревно, чтобы на нём сидеть.

– У тебя есть спички? Я последнюю утром истратил, – спросил Петя. Маша отрицательно покачала головой, – Эх, зря старались, придётся без костра.

Облаков не осталось. Небо сияло миллионами голубых звёзд. И не скажешь, что где-то, всего в нескольких километрах отсюда, есть светлые города, и не видно там всей этой звёздной сказки. Ребята беседовали, пока речь Маши не начала путаться, и она не уснула, положив голову на плечо своему другу. Вскоре уснул и Петя. И ему снился сон...

4.

Утро. Завтрак на тесной кухне с семьёй. Всё как всегда: омлет, бутерброд с колбасой и сыром и цикорий в керамическом стакане.

– Петруш, ты чего не ешь? – спросила мать, снимая фартук и присаживаясь за стол.

– Чего-то не хочется.

– Ешь, – вмешался в разговор отец, откладывая газету. – Если есть не будешь, навсегда останешься таким хлюпиком. И кто тогда займёт место старика Петрова? Он не получил разрешение на ребёнка, поэтому место у станка нужно занять тебе.

– Аргх, – недовольно проворчал Петя, – мне пора, до вечера.

Школа. Просторный светлый кабинет. Класс сконцентрирован на выполнении заключительного летнего экзамена. Петя сидел у окна, смотрел на лист с заданиями и понимал, что не знает ответов ни на один вопрос. Маша на первой парте увлечённо писала, высунув кончик языка. На ней была белая блузка и юбка – нетипичный для Маши образ. Петя отметил, что ей это очень идёт. Между рядами прохаживались учителя, наблюдали, чтобы никто не списывал. А никто списывать и не собирался – ставки очень высоки: никто не хотел бы лишиться путёвки в лагерь.

Минуты шли быстро для всех экзаменуемых и лишь для Пети тянулись крайне медленно. За окном солнечное утро. Скоро начнут выдавать мороженное на главной площади. Скоро вода в море прогреется, и можно купаться 15 минут в день согласно документу-разрешению. Петя поднял руку:

– Можно выйти?

– Да.

Петя проследовал по широкому чистому коридору первого этажа к туалету. Туалет встречал красными плакатами: весёлые мальчишки и девчонки с этих плакатов сияли радостными лицами. Петя подошёл к окну, за которым зеленел ровный газон школьного двора.

– Ты пойдёшь со мной? – позвал голос.

– Конечно пойдю!

Парень вылез в окно и побежал по тенистому двору, выбежал в пустой город, добежал до грозных гор через овраги хвойного леса, проделав этот путь за считанные секунды, сел на уступ и свесил ноги над пропастью, над облаками, глядя на горизонт, где возвышались другие горы.

Мурчание за спиной. Петя обернулся и увидел лежащего на земле чёрного кота.

– Мур, сбежавший парень, – медленно промурчал кот.

– А я Петя, очень приятно.

– Дразнится, поглядите на него, – кот недовольно взмахнул хвостом, сел и стал демонстративно облизывать переднюю лапу. – А я хотел проводить парня к месту, где он был бы счастлив. Но парень дразнится.

– Что за место? – заинтересовался Петя.

Но кот отвернулся, ничего не ответив. Тогда парень пошарил по карманам и нашёл кусок колбасы. Кот, учуяв вкусный запах, зашевелил усами.

– Парень даёт мясо? Принимаю это как знак извинения.

Петя отдал колбасу и даже попытался погладить кота, но только он коснулся его шерсти, как небо загорелось, горы сменились равниной, горизонт стал бесконечным. Рыжая почва, колючая проволока в три ряда и табличка с черепом и надписью: «*Мёртвые Земли*».

– Ты пойдёшь со мной?

Незнакомец плеснул воду в лица спящим Маши и Пети. Последний среагировал мгновенно и бросился на незнакомца с кулаками, но тот, толчком усадил Петю на место и пугающе холодным голосом сказал:

– Я вас спасать пришёл, а вы, видимо, не слишком рады.

Ночь не ушла. На поляне трещал костер, лаская пламенем котелок.

– А вы кто? – спросила Маша, вытирая мокрое лицо рукавом кофты.

– Зачем тебе знать кто я, если уже завтра мы расстанемся навсегда? Не забивай голову лишней информацией.

Незнакомец нагнулся над костром и спросил:

– Есть хотите? – но не дождавшись ответа, снял котелок и стал разливать его содержимое – бульон – в походные чашку и миску.

Пока он это делал, Петя и Маша смогли разглядеть незнакомца: его строгие черты лица, бледную чистую кожу, вздёрнутый нос и тонкие огненно-рыжие брови, видимо под цвет волос на голове. Глаза его, цвета какого-то между светло-мятным и блестяще-янтарным, были наполнены какой-то неуловимой тоской, и смотрел он на всё с безразличием, как бы сквозь. Он вручил Маше миску, Пете отдал чашку, а себе оставил котелок. Маша поблагодарила, Петя не сказал ничего.

– А как мы можем вас называть? – спросила Маша, усаживающегося рядом с ней незнакомца.

– Лемминг.

– Ха, а я морская свинка, – усмехнулся про себя Петя.

– Ой, а почему у вас имя такое странное? – удивлённо спросила Маша.

Лемминг поднял глаза. Маша смутилась. Взгляд незнакомца был тяжёлым, будто вкрадывался в самую душу и говорил: «Ты мне никто, перестань мне надоедать».

– Пожалуйста, обращай ко мне на «ты». Я вряд ли старше тебя, – сказал незнакомец, и по его томному голосу становилось ясно, что ему в общем-то всё равно, как его будут называть.

Петя тем временем разглядывал кожаную куртку и шапку-ушанку Лемминга.

– Тебе не жарко, парень?

Лемминг не стал отвечать на вопрос; он быстро опустошил котелок, достал из своего рюкзака бутылку воды, встал и затушил костёр.

– Нам пора уходить, – сказал он, не обращая внимания, что Петя с Машей даже не начали есть.

– Может, на вопрос ответишь? – не унимался Петя.

– Давайте мне посуду.

– Эй, ты оглох? – Петя подскочил к Леммингу, и оба под испуганный вздох Маши столкнулись лбами. – Ты чего выпендриваешься?

– Я не знаю, что ты имеешь в виду, – ответил Лемминг равнодушно, гася холодом своего взгляда горящие раздражением Петины глаза. – Но мало того, что я не услышал даже «спасибо» от вас, идиотов, страдающих подростковым максимализмом и ищущих приключения, игнорируя предупреждающие знаки на заборах, так ещё и вынужден терпеть наезды.

– Мы в твоей помощи не нуждаемся, – сказал Петя, отворачиваясь и возвращаясь на бревно.

– Пе-е-етя! – негодуяще воскликнула Маша.

Лемминг остался стоять.

– Дорогие друзья, – нарочито пафосно начал он, задирая рукав, обнажая запястье, – мои часы показывают шесть. Неважно, утра или вечера. Месяц слишком высоко. Время стоит...

– Ага, заливай! И часы нормально настрой! – насмешливо перебил Петя, получив при этом от подруги легкий удар локтем в рёбра. – Как тогда мы слышим и разговариваем? Как дышим, если молекулы воздуха должны застыть?

– Хорошо, давайте посидим, пока на часах не будет двенадцать. Сразу предупреждаю, что ночь никуда не уйдёт.

– Даже если так, то мы в твой помощи по-прежнему не нуждаемся.

Маша вновь ударила локтем своего друга.

– Ты трудный? – тон Лемминга стал более раздражённым. – Вы находитесь в аномалии, в которой нарушены законы реальности. Просто так отсюда не выбраться... – парень сделал паузу, о чём-то задумавшись. – А, впрочем, ты прав. Раз вы зашли сюда, то и выйти сможете. Доброй ночи! Посуду дарю.

Сказав последнюю фразу, парень надел свой походный рюкзак, спрятал руки в карманах и медленно пошёл прочь. Маша, поставив миску на землю, бросилась за ним, намеренно задев плечом Петю и тихо сказав: «Дурак!»

– Стой, пожалуйста! Прости его! Он не в своей тарелке!

И парень остановился.

– Я вижу, ты умнее своего друга. Попытайся убедить его, что тут оставаться опасно. Я могу отвести вас в безопасное место, а завтра вернуть домой.

– Мы точно можем тебе доверять? – наивно спросила Маша.

– Можете попытаться, – пожал плечами Лемминг.

Приняв такой ответ как положительный, Маша вернулась к Пете, шепнула ему что-то на ухо. Тот недовольно закатил глаза, но кивнул. Лемминг подождал, пока его новые знакомые доедут, взял у них посуду и сказал:

– Идите шаг в шаг за мной!

Сквозь кусты, огибая деревья, через 10 минут ребята вышли к оврагу. Корни сосны цеплялись за заснеженный склон. Её ствол рос горизонтально, а затем резко устремлялся к небу. При желании можно сесть на эту горизонтальную часть ствола и свесить ноги над чёрной глубиной оврага.

– Мы должны прыгнуть вниз, – объяснил Лемминг и стал подходить к вертикальной части ствола.

Маша тут же последовала его примеру, подбодрив Петю:

– Давай же! Мне кажется, что ему можно доверять.

«А мне кажется, что нельзя», – подумал Петя, но всё-таки пошёл за Машей.

– Теперь нужно оттолкнуться от дерева, – пояснил Лемминг, тут же прыгнув и исчезнув в глубине.

Маша незамедлительно повторила за незнакомцем и так же исчезла. Петя остался один на один с лесной тишиной и звёздным небом. Кругом по-прежнему лежал снег. Голубое свечение никуда не делось. Парень, держась за ствол, смотрел вниз, в глубокий овраг. Упасть туда с такой высоты значило разбиться насмерть. Петя долго не мог решиться, наконец, зажмурившись, прыгнул.

Блаженное чувство невесомости длинной в несколько мгновений, и Петя почувствовал, холод под собой, холодный ветер. В нос ударил какой-то едкий неприятный запах, от которого стало тяжело дышать.

– Долго же ты... – засмеялась Маша.

Петя открыл глаза и увидел ночное пасмурное загрязнённое светом небо. Снежинки падали на лицо. Парень поднялся и обомлел: взору его открылись невиданные пейзажи большого зимнего города. Ряды многоэтажных домов тянулись к горизонту. А на горизонте свети-

лось несколько стеклянных небоскрёбов. Петя понял, что стоит на широкой крыше по шиколотку в снегу. И что тихий малоэтажный Высокий Мыс казался деревушкой по сравнению с этим городом.

– Добро пожаловать в Пислету! – торжественно объявил Лемминг.

– Но... Как? – всё ещё оправляясь от шока бормотал Петя.

– Межпространственная временная аномалия, – объяснил Лемминг, переводя минутную стрелку своих часов на два с четвертью оборота назад. – Вы оказались в параллельной вселенной.

В голове у Пети произошла революция: перевернулись все представления о мире, формировавшиеся семьёй, школой и книгами. Какие-то аномалии, город в другой вселенной, где люди наверняка живут по другим законам... Но обдумывание пришлось отложить: Маша потеряла сознание.

– Что с ней?

– Э-э, побочный эффект после аномалии, полагаю, – ответил Лемминг, лицо его сделалось напряжённым. – Она очнётся. Давай унесём её с холода.

Петя аккуратно поднял побледневшую Машу и направился за Леммингом к люку, ведущему на лестничную клетку. Ребята еле-еле уместились в лифте и спустились на второй этаж. Горьковатый запах сигарет и плесени наполнял весь подъезд. Стены разрисованы, местами осыпалась штукатурка. Царил полумрак: лишь единственная лампочка тускло освещала лестницу. Лемминг открыл дверь квартиры 228, пропуская вперёд Петю с Машей на руках.

– Клади её на кровать.

Не разуваясь и оставляя за собой мокрые следы, Петя медленно прошёл к кровати и бережно опустил подругу. Лемминг остался стоять у двери.

– Сними с неё обувь и кофту, – велел он, – когда очнётся, найди в шкафу что-нибудь сладкое, воду и кипятыльник – сделай чай. Невидимая дверь справа у входа – санузел. Днём принесу лекарства. И отвечу на твои вопросы: вижу, у тебя их много.

– Уже уходишь? – тревожно спросил Петя.

– У меня ещё есть дела. Тут вы в безопасности. Как только твоей подруге станет лучше, я сразу же верну вас домой.

– Я тебе не верю.

– Твоё дело, – Лемминг нетерпеливо переминался. – Но знай, что я свой народ не бросаю.

– Народ?

Лемминг снял шапку-ушанку, и Петя, помимо зачёсанных назад прямых рыжих волос, увидел эльфийские уши, точно такие же, как у Маши.

– Подбери челюсть и думай. Все вопросы днём.

Лемминг закрыл за собой дверь. Щёлкнул замок.

Мирное население спало. По улицам бродили нетрезвые молодые люди. В лучшем случае они просто горланили песни. В худшем, приставали к прохожим, спешащим домой. Лемминг шёл слегка сгорбившись, грел руки в карманах. Начался снегопад. Холодный ветер резал щёки. Уличные фонари горели тускло и кое-где. Парень зашёл в круглосуточный магазин, расположенный на цокольном этаже многоквартирного дома через несколько улиц от убежища, в котором оставил Машу и Петю. Пожилой охранник на секунду оторвался от газеты, поприветствовал парня кивком и вновь углубился в чтение. Продавщица дремала за прилавком, положив голову на руки. Лемминг, пытаясь не задеть ничего своим рюкзаком, протиснулся между её стулом и стеллажом, чтобы пройти к двери в другое помещение. Помещение это оказалось тёмным пивным баром. Стены украшали виниловые пластинки и фотокарточки обнажённых моделей. Гудящий магнитофон с выключенным звуком передавал на экран какой-то рок-концерт. В стеклянном шкафу стояли две электрогитары. Сейчас тут пусто, но по вечерам

собираются человек 50, чтобы выпить и поговорить о тяжести бытия. Лемминг сел на высокий стул перед баром и, глядя в спину бармену, намывающему стаканы, сказал:

– Синий чай. Две с половиной ложки тростникового сахара, тридцать три миллилитра мёда. Перемешать в фарфоровой кружке серебряной ложкой три раза против часовой стрелки, перелить в керамическую чашку и добавить кубик льда. Подать с веточкой облепихи и тонким ломтиком лимона.

Бармен, закрыв воду и поставив стакан сушиться, вытер руки, развернулся, медленно подошёл к стойке, опёрся на неё двумя руками и, глядя своими тёмными глазами в глаза гостя, ответил низким хриплым голосом:

– Боюсь, мы не можем выполнить ваш заказ... У нас нет... льда.

Воцарилось молчание. И слышно было, как зевнул охранник в соседнем помещении, как с беззвучного экрана рокер виртуозно сыграл гитарное соло. Бармен и посетитель смотрели друг другу в глаза и не моргали, не дышали, а несколькими секундами позже обнимались, нагнувшись через барную стойку. Звали бармена Себом. Может быть, конечно, не Себом, но он просил называть себя именно так: считал, что это звучит, как он сам, говорил, прикольно.

– Давненько тебя не было, Лемминг, – сказал Себ – парень лет тридцати с узким лицом, ярко выраженными скулами, смуглой кожей и чёрными уставшими глазами.

– Извини, занят был, – ответил Лемминг, снимая рюкзак, – история долгая. Лучше расскажи, как у тебя дела.

Себ призадумался, погладил бороду – три тонкие косички, перевязанных разноцветными резинками – поправил аккуратный пучок на голове, потерев пирсинг на эльфийских ушах, пытаясь переосмыслить все события, что с ним произошли за последнее время.

– Дела? Да как обычно дела: сижу тут, блин, и скучаю. По будням работать в ночную смену – мрак, – Себ ловко подбросил стакан и поймал его за спиной. – Чего тебе налить?

– Ничего не надо, спасибо, – помотал головой Лемминг.

– Ты, кстати, читал последний выпуск «Вестника Пислеты»? – спросил Себ, убирая стакан.

– Как? – посмеялся Лемминг. – У вас тираж полтора экземпляра.

– Ну, это пока... К нам недавно... ну как недавно... пришла новая сотрудница, Астрой звать. Глаза горят, хочет какое-то расследование замутить про нашего дорогого мэра и его окружение.

– Плохо кончит, – скептически ответил Лемминг.

– Да все мы, блин, плохо кончим, – выдохнул Себ.

И вновь тишина. На этот раз давящая и гнетущая.

– Как её звать, говоришь? Астра? – спросил Лемминг, чтобы как-то поддержать разговор. – Необычное имя.

– Да, – кивнул Себ. – Да она сама, блин, какая-то необычная. Вроде, знаешь, внешность не очень: полноватая, высоковатая. Но у неё волосы фиолетовые – это... – Себ сделал паузу, пытаясь подобрать эпитет.

– Смело, – закончил Лемминг. – В редакции «Вестника», как я понимаю, работают только люди с нетрадиционной внешностью.

Себ самодовольно ухмыльнулся.

– Ты, кстати, тоже подходишь под такой критерий: у тебя волосы покрашены в редкий цвет.

– Покрашены? – переспросил Лемминг. – С чего взял?

– У всех рыжих веснушки, а у тебя лицо чистое. Ты даже не покрасеешь никогда. Следовательно, ты не рыжий.

– Просто моё утро начинается с того, что я веснушки убираю косметикой, – саркастически сказал Лемминг.

Но тут взгляд Себа помрачнел, лоб нахмурился.

– А если серьёзно, Лемминг, – твёрдым голосом заговорил Себ, – такой человек, как ты, очень бы пригодился нам в «Вестнике».

– Извини, нет, – отмахнулся Лемминг. – Журналистика – то, что отнимает много времени и приносит мало денег. А деньги мне очень нужны.

Себ кивнул. Он прекрасно понимал, зачем Леммингу нужны деньги, и ему было очень неловко разговаривать об этом. Вновь тишина, несколько позже нарушенная барменом:

– Я сегодня на машине. Если хочешь, могу подвезти до дома.

– Да? Спасибо. Но у тебя же смена кончится только через два часа.

– Пофиг. Едва ли кто-то зайдёт в такое время. Я на месте управляющего вообще бы закрывался после двух...

Себ ушёл переодеваться. Охранник в помещении магазина по-прежнему читал газету, продавщица посапывала. Холодильник с напитками гудел. Лемминг обошёл прилавок, чтобы оказаться напротив кассы, и громко кашлянул. Продавщица вздрогнула, проснулась, увидела знакомое ей лицо и засуетилась.

– Ой, здравствуй, Лемминг. Как твой отец? Тебе как обычно? Сейчас соберу.

И через минуту продавщица подала парню пакет, полный разнообразных продуктов. Лемминг положил на монетницу крупную купюру, но женщина отказалась её брать: «Что ты, что ты, дорогой, не надо денег... Опять будешь возражать? Твоей семье деньги нужнее...» Лемминг поблагодарил продавщицу: раз уж предлагают бесплатно, считал он, грех отказываться. Тем временем Себ, переодевшись в тёмно-зелёную парку, уже ждал друга у выхода. Парни вышли на улицу. Город тонул в метелях. На тротуаре уже толстым слоем лежал серый снег. Замело и старенький седан Себа. Парням потребовалось какое-то время, чтобы расчистить его. Наконец, двигатель затарахтел, машина неохотно тронулась покатила, цепляя фарами очертания дороги.

В пути парни обсуждали выгоду личного транспорта перед общественным.

– Я недавно читал, что у нас вновь собираются начать строить метро, – сказал Себ, всматриваясь в дорогу. – Говорят, хотят построить несколько станций в центральном районе.

– Они уже двадцать лет пытаются начать строить, – пожал плечами Лемминг. – Да и толку от этого метро? Люди, работающие в тамошних офисах, на окраинах живут: им незачем будет кататься по центру... А что до тех, кто живёт там, в центре... – призадумался Лемминг. – То у них у всех есть личный транспорт, и, поверь, им незачем экономить, пользуясь метро.

– Но я бы всё равно хотел бы когда-нибудь покататься на метро. Это же, блин, круто: под землёй на поезде.

Лемминг пожал плечами.

– Дешевле и важнее восстановить те еле стоящие дома на северо-западной окраине. Там же по улицам ходить страшно: кажется, что фасады в любой момент рассыплются.

– Северо-западная? Это где каждый день по двадцать человек без вести пропадают? Жуткое место.

– Вот и надо сделать это место не таким жутким! – уверенно сказал Лемминг. – Люди там от холода умирают, на работу не выходят, а скорая и полиция туда почти не ездят. Вот и считаются пропавшими без вести.

– А ещё там лес с призраками, – вспомнил Себ. – Его, кстати, один предприниматель купил несколько дней назад.

– Что? – удивился Лемминг. – Купил целый лес? Звучит интересно... И незаконно... Не знаешь фамилию предпринимателя?

– Дарбс.

– Дарбс? Знакомая фамилия. Одноклассник у меня есть такой...

– Одноклассник? – удивлённо переспросил Себ. – Ах, блин... Всё время забываю, что ты школьник. Честно сказать, талантом и характером ты смаливаешь на человека, получившего три заграничных вышки... – Себ вздохнул. – Тебе реально стоит в журналистику. Ты же, если захочешь, уже завтра выйдешь на президента и будешь с ним беседовать, будто вы чёртовы лучшие друзья на всю жизнь.

Лемминг недовольно поморщился:

– Закроем тему.

Машина остановилась в тесном тёмном дворе. Парни сдержано попрощались. Лемминг отрицательно покачал головой на предложение Себа помочь с пакетом и рюкзаком и скрылся за дверью подъезда.

Девятый, последний, этаж. Лемминг аккуратно открыл дверь квартиры и зашёл в коридор. Половица тихо скрипнула. Из коридора можно попасть в четыре помещения: совмещённый санузел, если пойти прямо до конца, там же рядом дверь в маленькую спальню. Слева гостиная, справа кухня. Лемминг снял обувь, поставил её к другой обуви под кривую батарею, снял кожаную куртку, шапку, рюкзак и отправил их в шкаф. Далее с пакетом продуктов на цыпочках проследовал на кухню. Там, не включая свет, стал раскладывать содержимое пакета. Когда последняя бутылка молока отправилась к начатому пакету кефира в холодильник, Лемминг скомкал мешок и положил его за батарею, на которой лежали сухари, к другим пакетам. Но вдруг щёлкнул выключатель. Лампочка разгорелась не сразу. В проходе, положив руки на узкие бёдра стояла низкорослая девушка в ночнушке.

– Ты где несколько дней опять пропадал?! – громко спросила она.

Лемминг обернулся, кинул грозный взгляд и шепнул.

– Тихо ты!

Девушка прижала ладонь к губам, как бы извиняясь. Но затем, вновь уперев руки в бока, уже шёпотом повторила вопрос:

– Где ты был?!

Лемминг прошёл мимо девушки, ответив:

– В комнате поговорим.

Гостиная. Тускло горел ночник на тумбочке рядом с расправленной кроватью, освещал дальний угол комнаты. В тёмном же углу стояла другая кровать, заправленная. Под потолком весели горшки с различными комнатными растениями. Стол посередине помещения пустовал. Другой стол, что под окном, выдерживал груз проигрывателя и клетки с белым грызуном. Там же в рамочках стояла фотография: маленький Лемминг сидит на плечах у молодого кудрявого отца. Отец одной рукой держит сына, а другой обнимает свою дочь-подростка. Сбоку стоит мать – на месте её лица дырка с обугленными краями.

– Лемминга кормила? – шёпотом, подходя к клетке, спросил парень свою сестру.

– Да, – ответила она.

Девушка молча наблюдала, как брат смотрит сквозь решётку на часто дышащего, спящего в домике на опилках грызуна размером в две ладошки. Она больше не злилась.

Убедившись, что кормушка и поилка полные, парень шёпотом сказал сестре:

– Давай спать. Ещё три часа до рассвета.

Та покорно вернулась в кровать и погасила свет. В темноте Лемминг разделся, откинул покрывало, нашёл под подушкой свои блокнот, ручку и маленький фонарик, нырнул под одеяло и ещё долго что-то писал.

5.

Летний день. Не жарко, но и не холодно. Небо голубое, малооблачное. На мху, прислонившись к стволу берёзы, в тени её ветвей, сидел Лемминг и заточенным простым карандашом орудовал по страницам потрёпанного блокнота. Штрих за штрихом, вырисовался причудливый эскиз, понятный лишь его автору. Парень положил блокнот на колени, а карандаш разместил между страницами и полез за чем-то в свой походный рюкзак, лежавший по правую руку. Но вдруг из-под рюкзака вылез невиданный чёрный жук, размером с указательный палец. Он пополз к ногам Лемминга, расчищая себе путь длинными завитушчатými усиками, отодвигая иголки и веточки. Парень схватил блокнот и за несколько секунд в натуральную величину увековечил насекомое на бумаге. Жук тем временем уже вплотную подполз к ноге Лемминга. Усиками он ощупал ткань штанов и стал карабкаться вверх. И парень почувствовал его тонкие щекочущие лапки. Жук перебрался с одной ноги на другую, а потом аккуратно стал спускаться. И в этот момент Лемминг достал из рюкзака контейнер и поймал жука. Насекомое стало растерянно шевелить усиками, искать выход. Тогда Лемминг аккуратно положил в контейнер кусочек сахара, при этом не закрывая крышку. Насекомое сначала пощупало сахар, как бы пробуя, а затем вцепилось в него челюстями. Парень, пристально наблюдавший за пиршеством, заметил, что жук стал менять цвет на тёмно-красный, да не просто менять, он, как показалось, начал светиться. И чем меньше оставалось сахара в контейнере, тем ярче светилось насекомое. Насытившись, жук взлетел. Лемминг тут же вскочил, схватил свои вещи и последовал за ним.

Развилка. Одна тропинка уходила влево, другая, заросшая, вправо. Жук полетел вправо, и Лемминг, не думая, что может заблудиться, последовали за ним. Тропинка вела вверх, на холм. Деревья стали редеть, открывая путь к вершине, на которой Лемминг увидел каменную башню. Жук тем временем опустился парню на плечо и погас. Вход в башню прикрывала дверь, державшаяся на одной петле. Только Лемминг коснулся этой двери, она сразу с плеском упала. Дневной свет тут же осветил пространство, и стало видно, что пол залит водой. К самой крыше уходила винтовая лестница. Лемминг снял обувь и носки и закатал штанины. Сквозь тёплую воду парень чувствовал, как наступает на каменный пол. Оказавшись прямо в центре башни, Лемминг посмотрел вверх и увидел кусочек голубого неба.

Лестница привела парня на площадку под крышей. Сквозь проём разрушенной стены открывался чудесный вид на бескрайний лес. Лемминг устроил на площадке место для ночёвки, выложил костровище из камней, натаскал снизу валежника, и костёр затрещал. И обнимаемый его теплом парень до темноты страницу за страницей заполнял свой блокнот.

Загорелись первые звёздочки. Жук, наевшись сахара, улетел ещё на закате. Воздух пах дымом и ночной свежестью. Последние угольки догорали, теряя тепло. Яркий оранжевый спальник готовился принимать в свои объятия. Лемминг высматривал в небе знакомые созвездия. Вдруг в ночной темноте, где-то между деревьями, появилось алое свечение. Через мгновение в небо поднялись сотни или даже тысячи мигающих огоньков. Они летели роем, образуя с яркими звёздами сияющий тандем, и закружились в танце. Этот перформанс впечатлил Лемминга, и он шепнул в небо, обращаясь ко всем огонькам и к одному огоньчку конкретно: «Спасибо!»

6.

– Братишка, вставай!

Лемминг, недовольный тем, что его вырвали из только что начавшегося сладкого сна, спросил:

– Ну чего ещё? Если моя очередь убираться в квартире, то я уберусь, когда высплусь.

– В школу пора.

– Шутишь? – спросил Лемминг, но не дожидаясь ответа, отвернулся к стенке и натянул одеяло.

– Твоя классуха звонила. Требуется, чтобы ты пришёл.

– Передай ей, чтоб катилась к чёрту. Я не вижу смысла семь часов сидеть за партой и слушать то, что я и так знаю.

– Так! В школу иди! – повысила голос сестра.

Парень вскочил, сел на край кровати и раздражённо отчеканил:

– Зачем? Мне? Школа? У меня есть дела поважнее, чем слушать некомпетентных учителей и терпеть компанию лентяев-однокласс... – Лемминг сделал паузу, как будто что-то вспомнил, затем закивал, согласился, что ему обязательно нужно в школу, оделся, вытащил из шкафа запыхавшийся рюкзак, кинул туда несколько под руку попавших книг со стола, достал из ящика какой-то клочок бумаги и вышел. Всё произошло так быстро, что сестра даже слова сказать не успела, лишь услышала щелчок замка входной двери.

На часах 7:12. Леммингу нужно в школу к восьми. Впрочем, первоочередной задачей стояла покупка кофе: проспал парень от силы час, поэтому чувствовал себя разбитым. К несчастью, единственная кофейня в округе так же открывалась в восемь. Леммингу ничего не оставалось, кроме как добрести по сонным улицам снежного города до маленькой тесной будочки в переулке, грея руки в карманах, и ждать её открытия, сидя под дверью.

Без десяти на другом конце улицы показался выходящий на смену бариста. Он шёл размеренно, спрятав ладони в длинных рукавах пуховика. Его лицо и голову закрывал меховой капюшон, на левом плече висела небольшая сумочка, украшенная десятком булавочных значков. Заметив Лемминга, бариста замахал рукой и ускорил шаг.

– Привет! – сказал он, явно обрадованный встречей.

– Э... привет, – ответил Лемминг, добавляя про себя: – Кем бы ты ни был.

Бариста пустил Лемминга в кофейню, зашёл за стойку, включил свет и электрообогреватель, заменил пуховик на передник и спросил:

– Тебе как обычно?

Лемминг кивнул. Зашуршали зёрна, зашипела кофеварка, наполняя помещение душистым запахом. Теперь, когда лицо бариста не скрывалось под капюшоном, Лемминг мог разглядеть его: массивные скулы, бледная кожа, впавшие глаза, потрескавшиеся губы и искривлённая в результате какой-то травмы переносица.

– Ты изменился, – сказал Лемминг. – Только благодаря носу тебя узнал.

Бариста озадаченно посмотрел на своего клиента.

– Неужели?

– Извини за честность, но ты как будто на десять лет постарел.

– Не выпался просто, – отшутился бариста, – по ночам работаю над поэмой. Не хочешь, кстати, почитать, пока кофе пьёшь? У меня рукопись в сумке.

– Я вообще-то спешу... Но почему бы и нет.

Вместе со стаканчиком бодрящего напитка Лемминг получил блокнот, открыл первую страницу и прочитал заголовок, написанный каллиграфическим почерком: «Поэма “Таракабунэ”»

– Над названием я ещё работаю, – оправдался бариста.

Лемминг продолжил читать: *«На небесной земле происходит сражение: свет против тьмы. Одни атакуют, другие защищают. Свет черпает свою силу у Бога счастья, который обращается к своим войскам с пьедестала высокой звезды. Речи Его мотивируют, собирают слабые поодиночке лучики вместе и заряжают свет светом. Свет любит Его, потому что сам он есть свет; и если появляется радуга, то это свет посвящает Ему победу.*

Тьма облаками защищает поверхность от света. Рваные раны, сквозь которые просачиваются яркие лучи, быстро затягиваются. Стены рельефа и течения времени, принимая удар на себя, отбрасывают тени.

В этой войне нарушилось равновесие. Жизнь стала воздвигать ещё большие стены. Теперь Свет спотыкается об природу, деревья, людей. И даже свет больших городов не может справиться с тенями...»

Лемминг отложил блокнот, забрал стаканчик и ушёл незамеченным бариста, занятым очередью из спешащих куда-то любителей утреннего кофе.

Лемминг пришёл в школу к середине третьего урока – математике – закинул в рот жвачку, постучался и вошёл в класс со словами: «Дико извиняюсь за опоздание и надеюсь, что ваше благородие меня простит». По задним партам прокатился сдавленный смешок. Мелкая пожилая учительница посмотрела на Лемминга, глаза её покраснели от гнева.

– Совесть есть? – уничижительно спросила она, но в ответ получила лишь дерзкую ухмылку. – Чего ты лыбишься?! Полоумный что ли?

Учительница завела гневную речь, в ходе которой, не выбирая выражений, пыталась оскорбить и Лемминга, и его семью. Она смотрела в его равнодушные глаза, теряя уверенность. И последней фразой в её арсенале воспитания молодёжи осталась лишь:

– Вышел вон из класса, гадёныш!

Тут Лемминг прервал своё молчание и ответил ласково, слегка поклонившись:

– Оу, с превеликим удовольствием, всего доброго! Кстати, корень уравнения на доске —16.

Хлопок лопнувшего пузыря жвачки и скрип двери как апофеоз очередного резонансного поступка эхом разнеслись по замершему в оцепенении классу. Через 15 минут вся школа взорвётся новостью: «Лемминг вернулся!»

А пока парень отправился в библиотеку, проходя по узкому коридору мимо стендов «Победители олимпиад!» и «Ими гордится школа». И среди множества серых фотографий рыжими волосами горела одна.

Лемминг любил библиотеки, библиотечный дух, запах книг и тишину. Школьная библиотека не пользовалась популярностью среди учеников: тесно, и злая библиотекарша не разрешает разговаривать. Если кто-то и заходил сюда, то лишь за сборником стихотворений для урока литературы. Лемминг же в те редкие дни, когда появлялся в школе, все перемены и большую часть уроков проводил за столом в дальнем углу и либо заполнял свой блокнот, либо читал. В этот раз Леммингу не дали даже пройти до своего излюбленного места: крупный физрук встретил парня, и со словами: «Твоя слава опережает тебя», – увёл его за собой в спортзал.

К спортзалу примыкала тренерская. Физрук, которого, к слову, школьники прозвали Шутом то ли за красно-чёрный костюм, то ли за несмешные шутки, считал эту комнатку чем-то вроде личных апартаментов. Шут пригласил Лемминга сесть на диванчик перед столом с графином и закуской, спросил, будет ли тот пить и, получив отрицательный ответ, налил себе стопочку.

– Ох, славно... – физрук потёр ладони и отправил в рот кусочек колбасы. – Объясни мне, друг мой, как так вышло, что твоё имя знает каждый ученик нашей школы?

– Оно редкое, – отшутился Лемминг.

Шут посмеялся, но тут же стал серьёзным.

– Знаешь, сынок, представь, что школа – это маленькое государство, в котором всё идёт своим чередом, – Шут налил себе ещё стопочку. – Да, бывают и проблемы: непослушные дети, задиры, вредные учителя... Но это всё вместе, так сказать, образует систему... Шестерёнки, понимаешь? – Лемминг слушал, недоумевающе подняв бровь. – Так вот, ты со своими выходками являешься инородным телом... Из-за тебя система даёт сбой, – Шут опрокинул стопку. – Ухх... Я знаю, что ты выигрываешь какие-то олимпиады, повышая рейтинг школы... Но, ты понимаешь... Олимпиады и всякое такое можно учить тихо и прилежно... Никому не показывать, что ты якобы умный самый и тебе больше всех надо... В школу люди приходят учиться, а не развлекаться...

– Тогда почему вы пьёте алкоголь вместо того, чтобы нас обучать? – перебил Лемминг.

Шут нахмурился. Вопрос показался ему дерзким.

– А что? Нельзя? Я человек взрослый. Что хочу, то и делаю.

Прозвенел звонок на перемену.

– Извините, мне пора, – сказал Лемминг и поспешил покинуть спортзал.

Школьные коридоры гудели рассказами о выходе Лемминга. Его одноклассники разнесли весть по всем углам. Мальчишки помладше бегали по этажам в надежде встретить героя, а девчонки застенчиво шептались, украдкой показывая куда-то пальцем. Ровесники под злобные взгляды дежурных учителей скандировали имя Лемминга, многие подходили и пожимали ему руку, хлопали по плечу и говорили лестные слова. Лемминг всем отвечал одинаковое «спасибо», глазами ища в толпе одноклассника по фамилии Дарбс. И через три рукопожатия парни жали руку друг другу. Дарбс, высокий парень с напомаженными чёрными волосами, одетый в узкую, облегающую мышцы спортивного тела, белоснежную заправленную в брюки рубашку, поздравил Лемминга с очередной успешной выходкой и пригласил на вечеринку, запланированную через три дня. Лемминг согласился.

Перемена заканчивалась. Восторженные настроения поумерились. Те, кто ещё по какой-то причине не успел воочию увидеть легенду школы, спешили это сделать до звонка. Лемминг же, достигнув своей цели, планировал совершить побег с остальных уроков, однако этому не суждено было сбыться: бдительная вахтёрша вопреки всем возражениям отправила парня на урок истории.

Лемминг уселся один за последнюю парту у окна и стал равнодушно смотреть на непрекращающийся снегопад. Учительница провела переключку и объявила о проверке домашнего задания. Все ученики опустили головы в тетради, начали что-то писать, делая вид, что слишком заняты, чтобы отвечать.

– Итак, к доске пойдёт рассказывать тему... Вот ты, который довёл нашего математика до белого каления, – учительница указывала на Лемминга.

Лемминг вышел.

– Какую тему рассказывать?

– Это ты меня спрашиваешь?! Это было домашним заданием! Садись, два!

– Послушайте, – возразил Лемминг. – Я знаю весь школьный курс истории. Если вы скажете, о чём нужно рассказать, я без проблем расскажу.

– Садись, два! – повторила учительница.

Равнодушно пожав плечами, Лемминг вернулся на своё место. Далее учительница вызвала худого паренька с первой парты. Он неуверенно вышел. Колени его дрожали, а пальцы теребили пуговицу пиджака. Паренёк откашлялся и стал рассказывать, верно называя все даты, точно подмечая детали.

– Хорошо, – сказала педагог. – Садись, четыре.

Такая оценка расстроила паренька. Лемминг, внимательно слушавший рассказ, поспешил заступиться за одноклассника:

– Он всё правильно рассказал. К чему вы придираетесь?

– Ты, двоечник, помалкивал бы. Сам темы не знаешь, а ещё вякаешь что-то, – огрызнулась учительница.

– Раз я двоечник, – спокойно ответил Лемминг, – то вряд ли мне удастся перейти порог на экзамене или, например, достойно написать олимпиаду по истории. Вы же понимаете, к чему я клоню? Ваша прибавка к зарплате в моих руках.

Нехитрый психологический трюк подействовал на учительницу: она, бормоча себе что-то под нос, поставила в журнал пятёрку.

Дальше урок пошёл как обычно: педагог нудным голосом, диктовала свои записи, которые, по-видимому, она когда-то делала под диктовку кого-то другого. Ребята в это время либо дремали, либо смотрели в потолок, считая секунды до звонка. Когда он наконец прозвенел, Лемминг, игнорируя подошедшего к нему с благодарностью худого паренька, схватил рюкзак и поспешил к выходу из школы. На этот раз ему удалось проскользнуть мимо вахтёрши.

Автобусом парень отправился на западную окраину. Кварталами там располагались здания заводов и фабрик. Небо сияло зеленоватыми ядовитыми облаками.

Лемминг шёл по чёрному снегу меж высоких бетонных заборов с колючей проволокой, затем свернул к воротам, за которыми злобно лаяли собаки, позвонил в домофон, представился, оказался на территории склада контейнеров и прошёл к зданию управления. Там двое коренастых мужиков обыскали парня и проводили в мрачное помещение. В кожаном кресле сидел бледный мужчина лет шестидесяти пяти с полным лицом, с бакенбардами и лёгкой седой в чёрных волосах. На столе лежала белая пыль, на аккуратно сложенных пачках денег рядом с какими-то коробочками и мешочками сверкал золотой слиток.

– А, Лемминг! – добродушным голосом сказал Барон, кладя сигару в пепельницу. – Рад тебя видеть, мой мальчик!

– Взаимно, – ответил Лемминг, извлекая из кармана пакетик с семенами. – Доставляю, как и договаривались.

Один из коренастых мужиков взял пакетик их рук, внимательно осмотрел, кивнул Барону и унёс его в другое помещение.

– Великолепно, сынок, теперь моя часть сделки, – слащаво произнёс Барон, выставляя на стол три прозрачных ампулы и откидываясь на спинку. – То, что произошло с твоим отцом, это... это очень печально.

Лемминг не спешил брать ампулы: он вспомнил, как первый раз оказался в этом помещении, перед этим столом. Как ныне добродушный взгляд Барона был наполнен страхом. Как холодное дуло пистолета тонуло в рыжих волосах... Лемминг проявил упорство, чтобы познакомиться с Бароном. Выходил на посредников через посредников посредников. За несколько месяцев сделал то, чего не сделали полицейские за несколько лет. И в решающий момент не растерялся, не дрогнул перед опасностью никогда не вернуться с западной окраины, и одной фразой убедил Барона в своей полезности.

– Ты чего зависишь? – спросил Барон.

– У меня есть вопрос... Когда я перестану нуждаться в работе на вас, смогу ли спокойно уйти?

Барон рассмеялся.

– Хорошие вопросы ты задаёшь... Скажем так, уйти ты сможешь. Другой вопрос, каким образом? – Барон наклонился к столу, соединив подушечки пальцев. – Если тихо и далеко, чтоб ни одна душа о тебе никогда не вспомнила, то это будет наилучшим для тебя вариантом... Но если решишь перед уходом нагадить... Ну, там, в полицию пойдёшь... к журналистам, то это тяжёлый путь... Ответил на твой вопрос?

– Исчерпывающе, – кивнул парень, и забрав со стола ампулы и попрощавшись, направился к выходу, но перед тем, как переступить порог, задал ещё один вопрос: – У вас можно заказать поддельные документы?

– Поддельные? Нет. Настоящие? Да.

– Учту, спасибо.

У Лемминга осталось последнее запланированное дело: вернуться к Маше и Пете.

Щелкнул замок. Лемминг, снял верхнюю одежду и обувь, прошёл к кровати и, глядя на спящую Машу, спросил её друга:

– Она приходила в себя?

– Да, пару часов назад.

– Значит так, у меня есть две новости,

– Начни с хорошей.

– А кто сказал, что есть хорошая? – улыбнулся Лемминг.

– Ха-ха, очень смешно, – огрызнулся Петя.

– Аномалия, которая приведёт тебя домой, открывается через три часа. Закрывается через пять с половиной и на три недели. Твоя подруга передвигаться пока не может, а нести её через весь город, сам понимаешь, нельзя... Итак, у тебя есть выбор: вернуться домой в одиночку или остаться тут на три недели.

– Аномалия же на крыше, разве нет?

– На крыше выход из аномалии. А вход в неё в лесу.

Петя долго не думал.

– Я останусь с Машей.

– Хорошо, – кивнул Лемминг. – Я не буду играть в благородство и скажу, что за проживание и питание придётся заплатить, поэтому выполнишь несколько поручений от меня. Устраивает такой расклад?

– А у меня есть выбор? Работать так работать.

– Хорошо. Сходим в магазин. Вам же нужно будет чем-то питаться.

Петя озадаченно посмотрел на спящую Машу. Лемминг перехватил взгляд и сказал:

– Тут недалеко. Оставим записку на столе.

Так и сделали. Лемминг достал из шкафа пальто, ботинки, шапку-ушанку и вручил Пете. Парни вышли на улицу. Снегопад прекратился. Ближайший гастроном находился на соседней улице, и пока шли, Петя задал мучавший его вопрос:

– Почему у вас с Машей уши одинаковой формы?

Лемминг улыбнулся.

– Честно сказать, думал, что ты спросишь про аномальный лес или проход между мирами... Но ладно, вижу, ты очень сильно переживаешь за подругу... Дело в том, что тут, в моём мире, у всех такие уши. Почему у живущей в твоём мире Маши такие же? У меня есть одна мысль, – Лемминг поскользнулся и едва не упал: Петя успел подхватить парня за руку. –

Спасибо. Так вот, когда я был совсем ребёнком мне, да и не только мне, родители рассказывали одну байку, чтобы мы не ходили в лес. Сейчас попытаюсь пересказать кратко: это произошло где-то двенадцать лет назад. На одной из окраин города (на какой именно, неизвестно – все рассказывают по-разному) жила семейная пара с тремя детьми: два сына и младшая, совсем младенец, дочь. Жили они бедно, как, наверное, и 99% нашего города. Отец пахал на заводе, мать ухаживала за детьми. Денег едва хватало на еду. Но однажды глава семейства нашёл на улице кошелек с крупными купюрами. И семья решила сходить на пикник в лес... И через неделю нашли трупы всех, кроме девочки...

– Извини, что перебиваю, – сказал Петя, – но что такое «денег»?

– А? – удивился Лемминг, но, вспомнив, что его собеседник пришелец, ответил: – Деньги – это универсальное средство обмена различных товаров и услуг между собой, а также мера измерения стоимости. То есть, чем дороже производство чего-либо, тем больше нужно отдать денег, если хочешь получить это. За деньги можно получить всё, что ты хочешь: одежду, еду, развлечения, жильё и автомобиль... да даже друзей.

– Сложно, – нахмурился Петя. – А как деньги выглядят и где их получить?

Лемминг достал из кармана жёлтую бумажку с портретом какого-то мужчины и числом 300 по углам.

– Вот пример денежной купюры. Она стоит 300 условных единиц. Чтоб ты понимал её ценность, буханка хлеба стоит 70, – Лемминг протянул купюру Пете, тот её внимательно осмотрел с двух сторон и вернул обратно. – А чтобы получить деньги, нужно работать, например, на заводе. В среднем работяга получает 10000-15000 условных единиц.

– А кто устанавливает ценность буханки хлеба?

– Тот, кто его производит и кто продаёт.

Уже в магазине Лемминг наглядно показал Пете, как пользоваться деньгами. Разговор продолжился, когда парни возвращались.

– Интересная система, – сказал Петя задумчиво, – у нас в Союзе всё по-другому; каждые несколько недель приходишь на склад с документом, что работал всё это время, и получаешь набор еды и всякого такого, типа зубного порошка.

Лемминг кивнул, демонстрируя, что осведомлён об особенностях получения пропитания и бытовых принадлежностей в Союзе.

– Может тогда продолжишь рассказывать историю о Маше? – спросил Петя.

– А я разве не всё рассказал? Потерялась семья. Тела всех, кроме девочки, нашли через какое-то время.

– И ты думаешь, это Маша?

Лемминг пожал плечами.

Вскоре парни вернулись в убежище. Очнувшаяся Маша встретила их вымученной, но искренней улыбкой; узнав о том, что Лемминг оставаться не хочет, она расстроилась и стала умолять задержаться хотя бы на час. И Лемминг согласился. И всё это время Маша звонко, будто и не была истощена аномальной болезнью, шутила, рассказывала забавные истории, заставляя парней улыбаться.

Когда Лемминг ушёл, Маша поинтересовалась у Пети:

– Ты видел, у него уши такие же, как у меня? Не знаешь, почему?

Петя не растерялся от столь неудобного вопроса.

– Так а чего ты сама у него не спросила?

– Думала, что его может это задеть. Меня же в детстве все дразнили из-за ушей...

7.

Прошло три дня. Дарбс-младший устроил вечеринку, куда получил приглашение Лемминг. Место проведения – квартира Дарбсов, находившаяся где-то на границе центра и восточной окраины. Дарбс-старший дал указания сыну оставить квартиру в целости и чистоте. Напечатанные на качественной бумаге приглашения раздавались в именных конвертах: можно подумать, что на входе в квартиру будут стоять вышибалы. Впрочем, цель этих приглашений, видимо, – напуск торжественности, ощущения, что вечеринка окажется не просто пьянкой, а экстраординарной пьянкой. С самого утра Дарбс-младший, прогуляв школу, готовился: заказывал еду, выбирал музыку, разливал напитки. Первые гости стали приходить в семь вечера, за час до официального начала. Дарбс-младший с распростёртыми объятиями и весёлой улыбкой встречал их лично. Постепенно квартира заполнялась, как заполнялся организм прибывших гостей алкоголем, заставляя тела отдаться ритму громкой музыки.

Лемминг пришёл через два часа, поднялся на девятнадцатый этаж и вошёл в квартиру через распахнутую дверь. Самые стойкие по-прежнему танцевали. Лемминг обратил внимание на обливающегося потом парня без футболки, делающего такие неестественные движения, что закрадывались сомнения, что он именно под алкогольным опьянением. Некоторые, болтали, держа стаканы или бокалы. Некоторые, уставшие после танца, раскинулись на софе; Лемминг подошёл к одному из таких отдыхающих: «Где Дарбс?» – громкой музыкой до ушей спрашиваемого донеслось: «Где патс?» – и Леммингу показали на стол с напитками. Дело в том, что патс – это совершенно отвратительнейшего вкуса мутновато-жёлтый дорогой алкогольный коктейль, который никому не нравится, но который всё равно пьют исключительно потому, что он дорогой.

Никто так и не смог сказать, где хозяин. Лемминг не без труда отыскал Дарбса-младшего на балконе. Он, облокотившись на перила, смотрел на мириады крыш, тонувших в дымке тусклого жёлтого городского света. Между пальцами догорала сигарета. Лемминг облокотился рядом. Оба долгое время молчали, вслушиваясь в тишину сквозь музыку.

– Красиво, правда? – грустно спросил Дарбс.

Лемминг пожал плечами.

– Мы смотрим с высоты огромной квартиры на нищету.

Дарбс сделал затяжку и медленно выдохнул.

– Не я выбирал себе богатого отца.

– Кем бы ты был без него?

Дарбс ответил сразу:

– Не таким одиноким... Та толпа, что танцует внутри, пришла сюда отнюдь не потому, что я такой хороший... А потому что тут бесплатные закуски и выпивка.

Парень отпустил окуроч. Тот, пойманный зимним ветром, сделал несколько пируэтов перед тем, как скрыться в темноте.

– Вокруг меня много людей, – продолжил Дарбс, – но я этих людей не чувствую.

– Ты не думаешь, что проблема в тебе?

– Нет, почему проблема должна быть во мне? Я хороший парень... – Дарбс подумал и вслух спросил самого себя: – А почему я хороший парень? Разве хорошие парни одеваются в нарочито дорогую одежду? Разве устраивают закрытые вечеринки по приглашениям?

– Ты себя недооцениваешь, – сказал Лемминг. – Насколько я могу судить, ты устроил вечеринку, чтобы заполнить пустоту в сердце.

Дарбс удивлённо взглянул на собеседника, на его лице появилась лёгкая улыбка.

– Ты прав... Ты не против, если я расскажу тебе одну историю?

– Да, конечно, рассказывай.

Дарбс глубоко вдохнул, потёр ладони, собираясь с мыслями, и начал рассказ: «В прошлом году, если помнишь, проходила олимпиада по физике. Зима тогда была или начало весны, но шёл снег. Меня очень удивила школа, где проходила эта олимпиада: вся чистая и просторная, но белые стены в классах как-то меня смущали. В коридорах на регистрацию я поздоровался с тобой, ещё спросил: “Не узнаёшь?” – ты очень редко появлялся в школе, и я удивился, увидев тебя. Потом началась регистрация. Выстроились очереди по фамилиям. Я, естественно, попал в очередь “А-К”. Очередь двигалась крайне медленно, и я просто смотрел по сторонам... Смотрел и в очереди “Л-Я” увидел ЕЁ. Она была вся в белом: белый пушистый свитер, узкие белые джинсы, светлые, почти белые распущенные волосы. Но лица её я тогда не увидел и мог лишь додумать... И додумывал, глядя ей в спину: бледная кожа, круглое личико, тонкие губы и голубые глаза... Распределили меня в аудиторию на четвёртом этаже. Вид из окна там – красотища! Прямо на набережную! Я получил задания второго варианта, просмотрел все листки, и понял, что из тридцати заданий решить смогу только одно, восьмое. Быстренько справившись с ним и записав ответ (сколько-то там с небольшим умножить на десять в минус восьмой степени), я сидел, смотрел на замёрзший канал и думал о НЕЙ. Решил во что бы то ни стало найти её в перерыве, пока работы будут проверяться... И я её нашёл. Она стояла в холле со своими подругами и над чем-то хихикала. Выглядела она так же, как я представлял. Моё сердце колотилось как ненормальное. Я сделал глубокий вдох и подошёл. Она посмотрела на меня вопросительно, и я уверенно сказал:

– Похоже вся физика – это бред. – и как только эти слова были произнесены, я подумал: “Чёрт, какой же это глупый подкат!” – но пути назад уже нет. – Как мог такой ангел, падая из космоса, не сгореть в атмосфере?

Её подруги засмеялись, а она сказала:

– Это самый глупый подкат, который я когда-либо слышала.

Голос её не низкий и не высокий: гармоничный. Она часто хихикает, иногда проглатывает окончания слов и тянет некоторые гласные, но это очень мило.

– Рад, что тебе понравилось, – весело сказал я.

И мы разговорились, она показалось мне очень приятной... Да чего уж греха таить, я влюбился...

– Какой у тебя вариант? – спросил я у неё.

– Второй, – ответила она.

Тут-то мне и выпал шанс блеснуть своими знаниями:

– Что у тебя получилось в восьмом? – спросил я.

Она растерялась, даже покраснела, и сказала, что не помнит... Перед тем, как нас позвали в актовЫй зал на награждение, мы обменялись телефонами. В актовЫй зале я уже не стал садиться рядом с ней, чтобы не казаться чересчур навязчивым... Вот... Началось награждение. Я, естественно, не рассчитывал что-либо выиграть... Третье место, если помнишь, занял какой-то крупный пацан с тюремным ёжиком и такой же фамилией, как у нашего мэра. Честно сказать, судя по его лицу и пустым глазам, я не думаю, что он способен был попасть в призы. Но если он родственник мэра, то это всё объясняет... Вторым местом оказалась она... И тогда я услышал её фамилию, и это меня шокировало: Манткаригсова. Дочь того негодяя, который держит в руках весь город и покрывает преступников. Который чуть не посадил за решётку моего отца на прошлых выборах мэра... И вышла она расстроенная, чуть не плача, видимо батя обещал ей первое место... А на первом месте... Ты... И я был поражён: неужели ты настолько гениален, что твои знания победили деньги?.. И я долго думал о той девочке. Знаешь, она мне так понравилась! Я даже не знаю, как это описать: когда тебе нравится человек внешне, но ты не знаешь его характера, его души, при этом понимаешь, что какими бы ни были недостатки этой самой души, ты полюбишь и их... А то, что у неё отец – мразь, я считал существенным

недостатком... Я не звонил ей дня три; всё думал, что если мы будем вместе, то закончится это, как известная трагедия... Не помню названия... Но, в конце концов, я ей позвонил, мы встретились, погуляли, а потом ещё и ещё... И ты даже не представляешь, как я стал зависим; зависим от её голоса, смеха, голубых, как чистый лёд, глаз, от запаха её духов, ангельской внешности, румянца, озаряющего её щёки, когда я дарю ей цветы или конфеты. И пусть она, как оказалось, совсем не шарит в физике, пусть батя её – человек, которого я ненавижу, я, чёрт возьми, получаю удовольствие, находясь рядом с ней... Но сейчас она улетела к морю на отдых, и мне очень одиноко... Раньше я часто устраивал подобные вечеринки, веселился, но, когда встретил ЕЁ, вечеринки закончились. И сейчас эта вечеринка, как ты сказал, нужна, чтобы заполнить пустоту в сердце... Но, как видишь, что-то не очень весело...»

Если начал свой монолог Дарбс-младший на балконе, то закончил уже на диванчике в гостиной. Никто больше не танцевал. Многие отправились гулять, кто-то спал прямо на полу, остальные в компаниях по 3-4 человека о чём-то болтали, забившись в углы.

– Интересный рассказ... – задумчиво сказал Лемминг.

Дарбс-младший улыбнулся.

– Спасибо, что выслушал.

– Кстати, поговаривают, что твой отец купил лес. Это правда?

– Да, насколько я знаю.

– У меня есть к нему деловое предложение. Как мне с ним связаться?

– Э-э-э, – недоумённо произнёс Дарбс, – подожди минутку.

Парень отправился в другую комнату и вернулся, протягивая визитку. Лемминг её взял, схватил руку Дарбса-младшего, пожал её и чуть ли не бегом выскочил из квартиры. В лифте он прочитал визитку, в которой помимо имени, фамилии и телефона был указан адрес офиса. На лестнице первого этажа парень прошёл мимо двух раздражённого вида полицейских.

8.

«МУЗЫКА О ГАРАЖНОМ ВРЕМЕНИ

Ворота каждого первого гаража этого гаражного кооператива испорчены граффити. Но конкретно на этих воротах граффити можно считать произведением искусства: мультяшный персонаж в чёрном гриме держит электрогитару, из-под струн которой вылетают ноты. Ворота открываются, и выходят трое: басист – крупный, с острыми чертами лица и длинными русыми волосами; гитарист – низкорослый и челкастый блондин; и барабанищица – девушка с выбритыми висками и завязанными в пучок чёрными волосами с алой прядью. В гараже, чтобы побеседовать с “Вестником”, остаётся один ОН – бледнолицый шатен в потёртой кожанке и причёской в стиле “ястреб” – солист и фронтмен рок-группы “Музыкальная группа”.

Ваш гараж среди прочих выделяется своей чистотой. Честно признаться, я поражена!

– Может быть, наша внешность – синоним к слову “грязь”, но мы вообще-то очень аккуратные. Наш гараж – наш храм музыки, и мы не имеем права его осквернять бардаком. Кроме того, существует тот фактор, что техника очень дорогая. У нас даже свой Бог-покровитель. Ты его могла на двери заметить.

Если есть Бог, значит есть и заповеди?

– Да, конечно! Одна из них гласит: “Каждую пятницу всей группой собирайтесь в пивной”. Вообще придумать себе Бога – вещь удобная: написал себе заповеди, разрешающие бухать, не уступать место в автобусах и закидываться колёсами, и живём припеваючи.

Как помогает вам ваш Бог в творчестве?

– Сильно помогает. Вера во что-то может дать вдохновение, силы. Может морально успокоить. Мы верим в нашего Бога, и это нас мотивирует.

“Наш Бог отымеет весь этот город!” – строчка из одной из ваших песен. Не думаете ли вы, что прослывете сектантами среди обывателей?

– Нам нет никакого дела до обывателей. Но мы не сектанты. Мы понимаем, что наш Бог – это просто так или иначе местная шутка, и мы ни в коем случае не навязываем нашу, если можно так сказать, религию.

Если вам не важно мнение обывателей, то для кого вы играете?

– Для наших слушателей. Мы поём злободневные песни для таких же, как и мы. Вот, например, песня, которую ты упомянула, она об аморфных людях, населяющих этот город. Настолько аморфных, что даже несуществующий музыкальный Бог может их поиметь... Так вот, наша музыка не для таких людей.

Часть вашего репертуара – это песни об алкоголе и наркотиках. Не думаете, что это может пагубно сказаться на молодёжи, которая слушает вас?

– Безусловно, алкоголь и наркотики – это очень плохо, вредит здоровью и всё такое. Но, в конце концов, алкоголь – неотъемлемая часть нашего менталитета.

То есть в этом и заключается злободневность ваших песен?

– Мы поём про алкоголь и наркотики, потому что мы в этом разбираемся, это наш образ жизни. Но мы также поём и про копов, покрывающих преступность, и про быдло, убивающее людей на улицах среди бела дня, и про чиновников, пилящих деньги в частности на материалах для вывески на крыше мэрии, и про журналистов, дурающих народ. Одним словом, мы поём, помимо бытовухи, остросоциальщину. Пока наши песни актуальны, этот город будет в жопе. А перемены сами собой не наступят.

У меня люди, которые могут что-то менять в лучшую сторону, ассоциируются со здоровым образом жизни.

– Я не думаю, что физическое здоровье что-то решает в данном случае. Решает энергетика, которая заряжает на подвиги. К нам после выступления подошёл пацан, наш ровесник, и сказал, что мы произвели на него фантастическое впечатление, и что он готов сиюминутно устроить революцию.

И почему не устроил?

– Предполагаю, что эта мысль была забыта по возвращении домой. Понимаешь, люди пахнут, чтобы поесть, оплатить коммуналку, купить одежду и в редкий день развлечься. И чем меньше у тебя денег, тем сильнее ты обеспокоен своими потребностями и тем меньше тебя парит чужое горе и глобальные проблемы.

А если бы этот парень всё-таки ворвался в мэрию?

– Если бы просто ворвался?.. То его бы скрутили, избили и дали лет десять. В одиночку никогда ничего не добиться. Задача нашей группы – объединять. Объединять для совершения подвигов, для взаимопомощи. Но, к сожалению, пока мы собираем двадцать-тридцать человек, выступая в гаражном кооперативе, добиться чего-то сложно. И даже те сотни, кто скачал наши песни на плеер, пока разрознены.

Стремитесь ли выбраться из андеграунда?

– Конечно! Чем больше у нас будет фанатов, которые разделят наши взгляды, тем полезнее окажется наша музыка. Толпа трибун нашего городского стадиона да даже толпа зрительного зала ДК способна на подвиги.

Не думаете ли вы, что как только станете известными в широких кругах, вами сразу заинтересуются правоохранительные органы?

– Обязательно заинтересуются. Но разве это повод замолчать и спрятаться в пучине бедности? Пока будут звучать наши голоса, у людей будет надежда. Как только мы замолкнем, голоса улиц начнут петь.

Очень оптимистичный прогноз, учитывая, твои слова о том, что людей интересуют только свои проблемы.

– Представь, кто-то по пути домой слушает нашу музыку, и у него вдруг вспыхивает огонёк в душе, и он идёт на проспект и присоединяется к тысячам таких же, как он. И все они идут менять к лучшему не только свою жизнь, но и жизнь ближнего.

Помните, что было на прошлых выборах мэра? Один оппозиционный кандидат в губернаторы был убит, второму и третьему дали срок, а четвёртый отказался от дальнейшего участия. Ваша группа состоит как раз из четверых.

– (Смётся). У нас в городе много поэтов, писателей и музыкальных групп, которые не поддерживают власть, и это отражается в их творчестве. Но творчеством этим до какого-то момента интересуется небольшое количество людей. Но потом, раз, и поэт объявляет раздачу автографов в небольшом книжном и там выстраивается огромная очередь единомышленников, которые горой встанут за своего кумира. Также от политиков нас отличает то, что мы, по мнению тех, кто сверху, не настолько крупные шишки, чтобы пачкать руки нашей кровью.

Но почему люди не заступаются за политиков?

– Я думаю, что это связано с социальным положением. Политики все богатые, претендующие на власть. А мы простые. Мы так же, как и все, работаем за кусок хлеба, спим в тесных квартирах и пьём чуть ли не с одного стакана. Нам проще сопереживать, потому что мы не чужие.

Не боишься, что окажешься не прав?

– Боюсь, конечно. Но хочется верить, что человечность в нас ещё живёт.

Давайте поговорим о вашем коллективе. Почему вы все решили заниматься музыкой?

– Музыка стала частью моей жизни, когда я был подростком... Ты знаешь, наверное, в каждом дворе нашего города по вечерам собираются компании, которые пьют, громко смеются и играют на гитарах. И я тоже проводил время после школы во дворах. И равнялся на тех, кто играет на гитарах, потому что их все уважали. У меня ушло две недели, чтобы освоить базовые аккорды. И когда ты играешь, потом пьёшь дешёвый крепкий алкоголь, хочется петь. И я пел стихи собственного сочинения, и всем это так понравилось. Ко мне даже подошёл парень и сказал: «Мы прямо сейчас создаём группу, где ты будешь солистом». И этот парень сейчас наш гитарист и мой лучший друг.

А что насчёт остальных?

– Наша барабанищица была студенткой юрфака, сейчас работает в комиссионном магазине. Басист – механик. Всех их пригласил мой друг.

Как у вас обстоят дела с финансовой точки зрения?

– В жизни мы все работаем с мизерной зарплатой. Музыка денег нам почти не приносит. Но у нас хватило ума откладывать определённую сумму, чтобы потом позволить себе музыкальные инструменты и гараж. И мы очень надеемся, что эта инвестиция окупится.

Для вас главное деньги или принципы?

– Принципы, конечно. Что такое деньги для музыканта? Купить инструменты покрупнее и выпивки побольше. Но для этого не нужны миллионы.

А как насчёт яхт и спортивных машин?

– Нет, это всё бред. Понимаешь, деньги не должны быть целью творчества. Потому что, когда ты играешь ради денег, то, получив эти самые деньги, теряешь мотивацию. И твоё творчество, карьера загибаются.

Как ты можешь так рассуждать, если ты далеко не миллионер?

– Иногда я представляю, что у меня много денег, яхта, спортивная машина, особняк на побережье в жаркой стране и всё, что только пожелаешь, и понимаю, что это бремя. Представляешь, каждый день просыпаться и думать, на что бы потратить эти деньги, когда уже всё есть и всё испробовано. Так и будет тянуться день за днём без открытий и потрясений. Знаешь, например, когда долго копил на какую-нибудь аппаратуру, то ощущаешь неподдельное чувство удовольствия, но при этом понимаешь, что есть аппаратуры подороже и получше. А когда ты богатый и можешь позволить себе сразу всё самое лучшее, то какой в этом кайф?

А какой кайф, думаешь, людям у власти воровать миллионами?

– Ну я всё-таки говорил просто о деньгах, а власть – это немного другое. Там люди сидят и управляют другими людьми. Мне кажется, что они чувствуют себя богами. И чем богаче боги становятся, тем беднее становится народ, и деньги в этом случае играют роль самоутверждения: чем больше денег, тем больше могущества и какого-то, скажем, чувства всевластия, понимаешь?

А представь себя у власти. Ты бы воровал?

– Нет. Но смотри, вдруг мэр наш хотел сначала работать во благо граждан, но, оказавшись на посту, понял, что не воровать просто невозможно и смертельно опасно (смеётся). Но, будь я у власти, я бы делал всё ради народа, потому что, как я сказал, деньги мне к чёрту не упёрлись.

То есть ты бы отказался, если бы наш мэр предложил тебе большую сумму за концерт в его особняке?

– Нет, почему? Да, мы против действующей власти, но выступление перед мэром ни коем образом не противоречит нашим убеждениям, потому что он такой же слушатель, как и все остальные.

Хорошо, а если вопрос поставить так: ты бы выбрал бесплатно выступить в детском приюте или за большую сумму перед мэром?

– Я не думаю, что наша музыка пришлась бы по вкусу детям из приюта (смеётся). Да и какой смысл выступить бесплатно в приюте? Если ты говоришь о благотворительности, то, как мне кажется, лучше сыграть у мэра, а деньги за концерт отдать в приют.

У тебя на предплечье очень занимательная татуировка.

– (Смеётся). Тут изображены горящие, словно факелы, барабанные палочки. Я вообще люблю глупые татуировки. На лодыжке у меня изображена миска с лапшой – моя любимая еда. Но лучшая – на плече: три поющих человека как знак единения и мира, которых, я надеюсь, ждать осталось недолго».

Себ сложил листы с текстом обратно в файл и обратился к Астре, сидящей по ту сторону барной стойки и вытирающей ладонью пивные усы с пухлого личика:

– Какой-то лицемерный тип.

Астра, поправляя очки, ответила:

– Есть чутка.

В бар зашли два мужика, обсуждавших тяготы семейной жизни. Себ обслужил их и вернулся к разговору с подругой.

– Ты уже была в редакции? Я бы на твоём месте заголовок поменял.

– Думаешь, стоит? Ладно.

– Ты правда считаешь, что эти ребята смогут вести за собой толпу?

– Старшее поколение – определённо нет. Молодое – вполне. Но музыка у них, прямо скажем, своеобразная. Первые несколько прослушиваний вызывает дикий дискомфорт. Но когда привыкаешь, прям мурашки по коже... За ними пойдут те, кто сможет их понять.

Себ задумчиво вздохнул.

– Знаю я одного парня, который точно смог бы повести за собой кого угодно... Правда вряд ли ему есть до этого хоть какое-то дело...

9.

Проектор лил свет фильма. По узорам обоев кружились в вальсе мужской и женский силуэты, которые слились в поцелуе, исчезая за надписью «конец». Маша растроганно плакала, Петя грустил, Лемминг молча выключил проектор. Уходил он так же молча, выслушивая благодарности новых друзей. Молча шёл по тротуару, держа руки в карманах и глядя себе под ноги. И даже придя домой, поздоровался с сестрой молча. Та, ничуть не удивившись, сделала ему чай и спросила о делах, но получив в ответ плечепожимание, равнодушно села в кресло в гостиной и взялась за спицы.

Лемминг лежал на запровленной кровати и рисовал в блокноте. Закончив, он спрятал его под подушку и отправился в другую комнату.

Из-под одеяла виднелась лысая голова отца. Выглядел отец гораздо старше своих лет, потому что тяжело болел. Услышав, как скрипнула дверь, пуская в комнату коридорный свет, он, кряхтя, приподнялся, и с его худой груди сползло одеяло.

– Давно ты не заходил ко мне, – попытался отец сказать строго, но вышло у него это тяжело и жалобно.

– Извини, занят был, – оправдался Лемминг, присаживаясь на стул перед кроватью и бросая взгляд на тумбу, на которой стояла чашка остывшего чая, надкусанная ореховая конфета на блюдечке и три ампулы. – Ещё не принимал лекарство, да?

– Вечером... – вздохнул отец. – Твоя сестра вечером вколет.

– Понятно...

Часы тикали. Отец к ним привык и не слышал, а Лемминг всё время про себя считал тики. Интервал между каждым четвёртым тиком и каждым пятым чуть больше, чем между остальными – это раздражало.

После шести долгих тиков отец задал очень неприятный для сына вопрос:

– Ты случайно не связался с плохими людьми?

– С плохими людьми? – переспросил Лемминг. – Вроде нет...

Элитный жилой комплекс. Чёрная бронированная машина проехала по узкой улице между высокими толстенными заборами, остановилась у ворот и отрывисто посигналила. Тут же раздался злобный собачий лай, замигал огонёк, сигнализирующий, что ворота открываются. Машина заехала в огромнейший двор и проехала по брусчатой дорожке ко входу в особняк. Пожилой усатый дворецкий во фраке, в котором ему было явно холодно, подошёл к пассажирской двери, учтиво открыл её и тут же поморщился от сигарного дыма, вырвавшегося наружу. Из салона вальяжно вылез Барон, закутываясь в шубу из ценного меха. Дворецкий проводил гостя в просторную прихожую, снял с него верхнюю одежду, принял кожаный пояс с кобурой и жестом показал в сторону гостиной. А в гостиной во всю шло застолье: омары, икра, мясо исчезающих видов животных, самые разнообразные напитки: дорогие вина, патс, коньяки и эли. Во главе стола на троне сидел упитанный господин Манткаригсов с запровленной за воротник шёлковой салфеткой, на которой уже высохли капельки жира. Прочие гости расположились на более скромных, но всё равно роскошных стульях. И среди этих гостей были мэр, чиновники и известный журналист. Прожевав рябчика, не вставая с трона, хозяин особняка горячо

поприветствовал Барона и предложил ему сесть рядом с собой. Барон раскланялся, уселся, добродушным кивком поприветствовал генерала полиции, и тут же его окружила прислуга, бережно ставящая перед ним серебряные блюда душистых гастрономических изысков и хрустальные фужеры с патсом и винами.

– Для всех вновь прибывших, – торжественно объявил громким голосом, вытерев губы платком, Манткаригсов, – напоминаю причину застолья! Завтра состоится собрание в мэрии, поэтому, чтобы не заниматься бюрократической ерундой, обсудим всё здесь, так сказать, в приятной обстановке, а завтра наш любезный журналист, – Манткаригсов показал на другой конец стола на мужчину с жабьими чертами лица, – выпустит статью, в которой расскажет нашим дорогим гражданам, что заседание прошло успешно. Мы же в свою очередь устроим себе выходной... – хозяин оглядел присутствующих и, отметив, что всех такой расклад по-прежнему устраивает, передал слово мэру.

– Спасибо, господин Манткаригсов, – начал говорить господин в нелепом изумрудном пиджаке и жёлтом галстуке в горошек. – Я хочу поднять тему... Вернее не тему, а скорее случай, произошедший со мной на этой неделе... Сажу я, значит, в своём кабинете... Дело, кстати было, э-э-э... Секундочку... – мэр полез во внутренний карман пиджака, чтобы достать карточки и очки. – Э-э-э, вот! Дело было в среду вечером. Я сажу в своём кабинете и работаю. Однако ко мне заходит какой-то парнишка, видимо, совсем юный, и приносит большущую стопку бумаг. Я его спрашиваю: «Что это?» Он мне: «Обращения граждан». Мол, секретарь ушёл, поэтому он решил прямо мне занести. Я рассердился и давай поучать его: «У тебя что, инструкций нет?! Ты какого чёрта принёс мне эти бумажки?!» Он испугался моей строгости и поспешил найти оправдание, мол, никто ему ничего не объяснял. Я позвонил секретарше. Говорю: «Что за произвол? Почему домой уходите, когда у вас на работе бардак?» Но и мне эта наглая барышня заявляет следующее: «Этим должен отдел обращений заниматься». Я в ступоре. Вот ещё, мне разбираться, кто там чем должен заниматься... Выписал ей штраф, парнишке тоже штраф. Бумаги эти всучил ему обратно, но всё-таки объяснил ему, что все бумаги, оставив две-три, нужно сжигать... Неужели трудно догадаться? Молодёжь ни на что негодная растёт...

Мэр убрал карточки. Лоб вспотел. Лицо довольное, и стало ещё более довольным, когда за столом все начали соглашаться с его последней фразой. Руководитель отдела городского просвещения даже покраснел и злобно, стукнув кулаком по столу, прошипел:

– Нужно штрафовать всех, кто когда-то учил такого вот... кадра! Всех! Учителей! Родителей! Преподавателей в высших заведениях!

– Поддерживаю, – сказал один из чиновников. – Молодёжь своей безграмотностью разрушит всё, что мы строим.

За столом все закивали и загудели.

– М-м-м, а что там с тем рыжим парнем? – ушлетая салатик, спросил Манткаригсов у генерала полиции.

Генерал тут же бросил вилку, выпрямил спину, расправил плечи и громко отчеканил, глядя перед собой, задрав подбородок:

– Мои подчинённые побывали дома у этого господина, но никаких нарушений не заметили!

Манткаригсов, обдумывая несколько секунд его слова, недоумённо спросил:

– То есть как это, нет нарушений?

Генерал, сконфузившись, ответил чуть тише, чем в прошлый раз:

– Ну, сотрудники полиции навели справки о нём и его семье: всё в порядке, никаких нарушений.

Манткаригсов, уже покраснев от негодования, раздражённо, повысив голос, спросил ещё раз:

– То есть как это, никаких нарушений?!

Все за столом заёрзали. Генерал, совсем сконфузившись, сгорбившись, пытался как-то оправдаться. Но вмешался Барон, слушавший диалог с интересом:

– Прошу прощения, господа, но о ком вы говорите?

– Есть парень такой, рыжий, и вечно морда кирпичом, – презрительно ответил Манткаригсов. – Леммингом звать. То ли имя такое дурацкое, то ли погоняло. Но он вдруг ни с того ни с сего год назад взял и выиграл несколько школьных олимпиад, хотя я своей дочке первое место обещал, а сыну господина нашего мэра – второе.

– О, так я его знаю! – сказал Барон, макая кусочек стейка в соус. – На меня работает.

– Правда? – спросил Манткаригсов, и лицо, и голос его сразу повеселели. – Так это же здорово! Мотив искать не надо: работает на наркокартель! Хоть сегодня его за решётку до конца дней...

– Извините, господин Манткаригсов, он ценный кадр. Но обещаю, что лично с ним разберусь, если станет бесполезным.

– Ну, хорошо, – понимающе кивнул Манткаригсов, после чего щелчком подозвал прислугу и что-то шепнул на ухо. Прислуживающий удалился, а руководитель отдела городского просвещения вдруг сказал:

– Всё-таки он парень умный, если его правильно пристроить, то может оказать нам большую услугу.

Манткаригсов, будучи до реплики чиновника очень довольным, что вскоре принесут десерт, покраснел, глаза его наполнились гневом, он ударил двумя кулаками по столу, в результате чего вся посуда звякнула, и начал кричать, срывая голос:

– Вы хотите сказать, что моя дочь глупее его?!

Чиновник побледнел от страха и замах руками.

– Нет-нет-нет! Ни в коем случае! Он вообще не должен был выигрывать ни одной олимпиады...

– Тогда почему он выиграл! – ещё громче заорал Манткаригсов.

– Комиссия... Проверяющие... Сказали, что всё идеально сделано... Придаться не к чему.

– То есть, хотите сказать, что у моей дочки неидеально?

– Ни в коем случае... Господин Манткаригсов. Все три раза, что он выиграл... Все три раза учителя, комиссия, директор школы, в частности, были оштрафованы.

– Нельзя, чтобы он снова был заявлен на будущие олимпиады... Господин генерал, проследите... Придите, там, в школу его... Директору скажите, что этому... ученику... не следует ездить на олимпиады... Короче, пусть сделают всё, чтобы сидел за партой и не рыпался. Понятно?

Манткаригсов смочил горло вином и вновь обратился к руководителю отдела городского просвещения.

– Что до ваших слов, господин, что, мол, якобы от него толк может быть, то вы заблуждаетесь. От подобных людей один вред...

Тем временем прислуга выкатила тележку с десертом: кексы, шикарные кремовые пирожные, печенье и огромный роскошный торт. Увидев этот торт, Манткаригсов ахнул, глаза его заблестели слезами радости, и он уже забыл, о чём говорил. Зазвенели чашки, запахло чаем, и все оживились. Руководитель отдела здравоохранения, тёмненький, с желтоватой кожей и бегающими глазами, чувствовал, что настало хорошее время похвастаться своими достижениями:

– Господин Манткаригсов, господин мэра, я спешу сообщить, что центральная больница и поликлиника пользуется огромным спросом у горожан. Людей много, очереди к врачам на месяцы вперёд и палаты полные.

Мэр, снимая вишенку с кусочка пирожного, уточнил:

– А разве это хорошо, когда... больница, так сказать, переполнена?

– Конечно, господин мэр! – уверенно ответил он. – Это значит, что здравоохранение на высоте, что жители предпочитают обратиться к врачу, чем заниматься самолечением. Я считаю, по количеству обращений к врачам мы бьём все рекорды, что не может не радовать.

Мэр напрягся, пытаясь что-то вспомнить:

– Я когда-то, сидел в своём кабинете... На обеденном перерыве... И ненароком, совершенно случайно, пролил суп на какую-то бумажку... Смотрю, а это одна из тех жалоб, что не сожгли... Ну, я и прочитал ради интереса, чего там народу не хватает. И там какая-то гражданка пишет, что вызвала скорую помощь... вроде как своей матери. Она, то есть скорая помощь, приехала через три дня, забрала в больницу, и там она, то есть гражданка, то есть мать гражданки... ну, вы поняли, да? Умерла в приёмном покое то ли через восемь часов, то ли через восемнадцать... И в конце этого письма оскорбления... Ну я, естественно, высушил эту бумажку... Понёс секретарю и потребовал, чтобы гражданочку привлекли к ответственности за такую непристойность...

– То есть, – подытожил слова мэра чиновник, – вы хотите сказать, что переполненные больницы – это плохо?

– Нет, – покачал головой мэр, – я хочу сказать, что народ совсем уже разбаловался, раз вот так вот смеет оскорблять... знаете ли... меня – человека, которого, между прочим, сами выбрали на голосовании... Хотя, господин, может быть и ваш... так сказать... вывод имеет место, значит, быть.

– Да, – закивал Манткаригсов, налегая на четвёртое пирожное, – народ недоволен. Зима нынче тяжёлая, грипп ходит, простуда там, все дела. Новая больница необходима я считаю, а то, представьте ситуацию, если все будут помирать в приёмных покоях, то что с городом-то станет? Без людей? – хозяин застолья сделал паузу, чтобы хлебнуть чаю, после чего продолжил. – Поднимите руки, кто согласен, что больница нужна?

Все за столом подняли руки. Манткаригсов строго посмотрел на прислугу, убирающую грязную посуду. Те, поймав укоризненный взгляд, тоже подняли руки.

– Единогласно! Это хорошо, что мы так быстро принимаем решения. Так глядишь, и заседание пораньше закончим, чтобы доесть десерт и начать ужин в спокойной обстановке.

– Для больницы нужно место подходящее, – заметил один из чиновников.

– Я помню, есть пустырь один на северо-западной окраине, напротив кладбища, – заметил другой.

– Исключено! – сказал мэр. – Там уже... насколько мне известно... три года идут строительные работы.

– И что же там строят? – поинтересовался Манткаригсов.

– Да больницу, по-моему, и строят, – пожал плечами мэр. – Фундамент почти заложили.

– Так это же хорошо! – хлопнул в ладоши Манткаригсов. – Достроим эту больницу и всё!

– Ну, как бы так сказать... – озадаченно произнёс мэр. – Выделенных денег даже... на фундамент не хватило.

– Как же так? А где деньги? – спросил Манткаригсов, облизывая золотую ложку. – Впрочем, не важно. Есть идеи, где деньги взять?

– Можно... наверное... налоги поднять, – предложил мэр.

– Вот! – воскликнул Манткаригсов. – Сразу видно – опытный политик! Кто за то, чтобы поднять налоги?

Все, включая обслугу и зашедшего за чем-то дворецкого, подняли руки.

– Единогласно! – торжественно объявил Манткаригсов. – Заседание можно считать закрытым! Господин мэр, позвоните сейчас в мэрию, скажите, чтобы все необходимые документы-бумажки подготовили. А я пока принимаю у вас, господа, заказы на ужин...

Комнату родителей раньше украшало много растений. Сквозь занавески лился дневной свет. Между креслами стоял столик. В одном кресле дремал отец. Во втором сидела и читала газету жена. Её сердили играющие в мяч дети. Она ущипнула мужа за руку и сказала холодно и презрительно:

– Скажи им, чтобы перестали!

Лемминг и его сестра прекратили играть и с недоумением посмотрели на мать.

– Пусть играют, они же тихо... – добродушно ответил отец, потирая руку. – Играйте!

Мать разорвала газету, вскочила, широкими шагами подошла к детям,хватила мяч, пнула его и попала в часы. Часы упали и остановились. Лемминг заплакал и убежал, сестра побежала за ним, чтобы успокоить. Хлопнула входная дверь. Перепуганный ребёнок, за секунду преодолев лестничные пролёты, выбежал во двор, на игровую площадку, сел на качели, прижавшись мокрой щекой к раме. Подбежавшая сестра обняла брата, гладила его, успокаивала.

– Я хочу, чтобы она умерла! – крикнул ребёнок.

– Что ты такое говоришь?! – прошептала сестра.

Мальчик всхлипнул, утёр слёзы и сказал:

– Она всё время кричит и обзывается!.. – ребёнок зарыдал пуще прежнего. – Я хочу только с папой жить...

10.

Несмотря на просьбы, Лемминг не разрешил Маше и Пете выходить на улицу.

– Но почему? – недовольно спросила девушка.

– Очень опасно, – отрезал парень. – Вы не знаете ни города, ни законов. Заблудитесь, и пиши пропало.

– Да мы недалеко! – умоляла Маша.

– Нет, – категорично сказал Лемминг. – Вернётесь домой и гуляйте сколько хотите. Я вам проектор с фильмами оставил. Смотрите.

– Ску-у-учно! – протянула девушка.

– Извините, у меня дела.

И едва Лемминг скрылся за порогом, девушка, хитро улыбнувшись, залезла на подоконник и попыталась открыть окно. Петя тут же подскочил к Маше и потянул её на себя. В результате Маша упала на Петю, а Петя упал на кровать, и лица их оказались на расстоянии одного поцелуя. Петя покраснел, отвёл взгляд и попытался вылезти из-под подушки. Оба сели на край кровати, смутившись.

– Ты зачем туда полезла? Совсем дура что ли? – спросил Петя, глядя в пол.

– Я сбежать хотела, – виновато ответила Маша.

– Зачем? Лемминг прав, нам пока не стоит выходить.

Маша ничего не ответила. Петя украдкой взглянул на подругу и увидел, как по её щеке катится слеза.

– Ты чего? – взволнованно спросил Петя, подвигаясь поближе; рукой он легонько коснулся её плеча.

– По дому скучаю...

То был в общем-то обычный год в истории Высокого Мыса: родилось ровно столько, сколько умерло, потому что рабочие места распределили на двадцать лет вперёд, и лишние люди были не нужны. Петя и Маша оставались не разлей вода и только-только перешли в среднюю школу.

В окно заглядывала бархатная осень. Петя сидел за предпоследней партой, подперев рукой голову, и бездумно списывал с доски текст учительницы Матрёны Трифоновны. Вдруг что-то коснулось его головы и отскочило на край парты – записка на небольшом клочке. Петя развернул бумажку и прочитал: *«Передай Олеся, пусть Олеся передаст Олегу, Олег Серёге, а Серёга пусть вернёт Маше»*. Записка эта прилетела с последней парты первого ряда. Петя скомкал бумажку и взглянул на Олеся – голубоглазая девочка с золотистыми косами и красивым овальным лицом сидела через две парты впереди. Убедившись, что учительница не смотрит, парень прицелился и запустил клочок по дуге над головами одноклассников. Тот, едва не коснувшись потолка, приземлился прямо на тетрадь Олеси, девочка даже вздрогнула. Матрёна Трифоновна, будто почуяв неладное, прекратила писать, повернулась к классу, обвела всех взглядом, спросила, всё ли всем понятно, и, получив в ответ несколько кивков, отвернулась и продолжила писать. Олеся тем временем отправила записку на третью парту среднего ряда русому невзрачному пареньку без каких-то особых примет. Тот её прочитал, глянул на сидев-

шего за первой партой первого ряда Серёгу, который уже тогда был крупным и сильным, и стал прицеливаться, однако метнул неудачно: записка попала Серёге в плечо и предательски громко упала на пол так, что Матрёна Трифоновна услышала, повернулась и увидела записку; на лице её появилась злость. К её удивлению, Серёга быстро подобрал записку, запихал её в рот и не без труда проглотил. .

– Токарев?! – возмущённо воскликнула Матрёна Трифоновна. – С ума сошёл?! А ну выплюни!

Но выплёвывать было уже нечего, что Серёга и продемонстрировал, открыв рот. Учительница велела ему идти в медпункт, после чего отправиться в кабинет директора. Когда Серёга с видом героя вышел из класса, Матрёна Трифоновна спросила:

– Кто кинул записку?

Никто не ответил. Тогда учительница сказала:

– Неужели подставите своего товарища? Он будет отдуваться за вас перед директором, а вы резвиться на переменке? – Матрёна Трифоновна сделала многозначительную паузу, чтобы каждый в классе почувствовал себя виноватым. – Да, ребята, я в вас глубоко разочарована...

Последние слова копьём пронзили совесть Олега, и он несдержанно крикнул:

– Это я! Я, Матрёна Трифоновна! Я! Это был я!

Матрёна Трифоновна, сделала вид, что сильно удивлена, что Олег мог так поступить, и отправила парня к директору.

Урок продолжился. Петя через весь класс осуждающе посмотрел на Машу. Его одноклассница только пожала плечами, мол, а я-то что?

На переменке Олеся, Маша и Петя собрались у кабинета.

– Жалко ребят, – выдохнула Олеся, и щёки её загорелись грустным румянцем.

– Нам нужно тоже сдать директору! – решительно сказал Петя, надеясь, что Олеся, к которой он тогда испытывал безответную влюблённость, впечатлится такой смелостью, но та лишь поморщилась и легонько покачала головой.

– Почему мы должны сдаваться? – возмутилась Маша. – Мы-то нормально кинули. Кто виноват, что Олежка не смог?

– Так ты же написала последовательность, – парировал Петя. – Всё могло прямо на мне и закончиться во время броска через две парты.

– Но ты же нормально кинул, – ответила Маша.

– Но ведь ты всё это начала, – не унимался парень.

– Петя, – нежным голосом произнесла Олеся. – Мы не должны идти к директору. Серёга проглотил бумажку, чтобы нас не наказали. Если мы сдадимся, то его поступок окажется напрасным.

Петя не мог не согласиться с девочкой, в которую влюблён, пусть даже это противоречило его точке зрения. Покраснев, он кивнул, сказал что-то невнятное и ушёл. Девочки переглянулись, хихикнули и отправились в столовую, даже не предполагая, что задумал их одноклассник. А он не отказался от своих замыслов рассказать всё директору. Он шёл по шумному коридору, и страх сковывал его. Он боялся директора, его голоса, того, как он растягивал слова; его тёмного, тесного и душного кабинета; его чистого стола; его толстенной учётной книги, которую он любил полистать, приговаривая себе под нос: «Интересно... Очень интересно»... Собравшись с мыслями и глубоко вдохнув, Петя постучал, приоткрыл дверь и заглянул в помещение, в котором стояли стол, два стула, занятых бледными от страха Серёгой и Олегом, и книжная полка, спросив: «Здравствуйте, можно?» Великий и ужасный директор, заложив руки за спиной, смотрел в окно через щель между плотными занавесками.

– Пётр? – спросил глава школы. – Проходим.

От голоса директора у парней пошли мурашки по коже.

– Иосиф Фирсович, я признаться пришёл... – с трудом выговорил Петя.

Директор отошёл от окна, медленно подошёл к своему столу, сел за него и стал листать учётную книжку, приговаривая: «Интересно...»

– Я пришёл сказать, что я тоже кидал записку. А ещё Маша и Олеся тоже.

Иосиф Фирсович, что-то записал, затем, опрокинувшись в кресле и сложив кончики пальцев, долго молчал. Петя хоть и не видел в полумраке лица директора, но чувствовал на себе тяжёлый взгляд, проникающий глубоко в душу и вызывающий панику. Хотелось скрыться от такого взгляда, распахнуть дверь в светлый коридор и убежать в столовую, к Маше, к Олеся, чтобы сесть рядом с ними и слушать их девичьи разговоры.

– То есть... – медленно сказал директор, вернув Петю с небес на землю. – Вы пришли стучать?.. Пётр...

Ударение на имя заставило Петю вздрогнуть. Мысли стали путаться и никак не складывались в ответ.

– Я... Я... – мямлил Петя.

– Хорошо ли, по-вашему, стучать... Пётр? – спросил Иосиф Фирсович, продолжая делать ударение на имя, но сразу же и ответил на свой вопрос. – С одной стороны, вы... Пётр... только что лишили своих одноклассниц хорошего осеннего дня, который, может быть, они бы провели гуляя, но с другой стороны, вы только что обеспечили наш замечательный город... Высокий Мыс... двумя парами рабочих рук... – Директор вновь стал листать свою учётную книжку. – Вы все получаете по четыре часа Общественных работ... – сказал он и, будто прочитав мысли в голове ребят, что четыре часа – это несправедливо много, добавил: – В парке нужно будет собрать яблоки. Справитесь раньше, остаток времени можете гулять... А вы... Пётр... Потом расскажете мне, как девочки восприняли новость об их внезапной городской службе...

Петю отпустили, и он отправился на следующий урок. Олега и Серёгу Иосиф Фирсович попросил задержаться. Пол-урока Петя думал, как сообщить одноклассникам, что им назначили работы. Написал две записки. Одну через одноклассников передал через две парты вперёд, вторую на последнюю парту первого ряда. Убедившись, что девчонки получили послание, Петя уткнулся в учебник и до конца урока не поднимал глаз.

Прозвенел звонок, Петя сгрёб свои вещи в рюкзак и поспешил выйти из класса. В коридоре его догнала заплаканная Олеся.

– Как ты мог?! – рыдала она, а в потемневших глазах читалась ненависть. – Меня мама убьёт!

Подошла Маша и, обняв подругу за плечи, увела её, бросив Пете колкий взгляд. Парень хотел было их догнать и извиниться, но не решился.

За два часа все успели сходить переодеться и приехать в парк. Ровными рядами стояли, вытянув ветви вверх во славу Союза, яблони с покрашенными белой краской стволами. Многомного упавших яблок уже подгнивало под ними. Серёга ушёл искать садовника. Олег подобрал более-менее целое яблоко и захрустел им. Маша что-то весело рассказывала Олеся, лицо которой выражало гибель мечты – закончить школу, не получив ни одного часа Общественных работ. Через десять минут с четырьмя ведрами вернулся Серёга. Выглядел он недовольным и злым. С силой отбросив ведро, парень указал территорию, которую нужно убрать.

– Мда... – Олег лениво бросил огрызок в ведро и тяжело вздохнул. – Мы тут не то что за четыре, за шесть часов вряд ли управимся.

– Спасибо за это нашему дорогому Петечке! – зло прошипел Серёга, толкнув одноклассника в плечо.

– Ты дурак? – Петя толкнул его в ответ, но Серёга схватил его за ворот рубашки и прорычал:

– Директор уже почти отпустил нас без наказания... А потом явился ты.

С этими словами он грубо отшвырнул Петю на землю. Тот вскочил, ослеплённый внезапной яростью, и кинулся на обидчика, но Серёга легко опрокинул его и начал избивать.

Маша, Олег и Олеся застыли в шоке. Всё произошло слишком быстро. Они не двигались, не вмешивались, пока к дерущимся не подскочил какой-то прохожий и не оттащил Серёгу.

Петя медленно поднялся. Его лицо было в крови и слезах. Он не сказал ни слова, лишь метнулся прочь.

Маша хохотала.

– Ты правда был влюблён в Олеську? Вот умора!

Петя смутился.

– Тебя действительно только это волнует? По-моему, после того дня ты и я прекратили общаться друг с другом.

Маша перестала улыбаться и сказала серьёзно:

– А мы, между прочим, потом расписались за тебя в ведомости, будто ты действительно отработал.

– Спасибо...

Ребята помолчали, предаваясь воспоминаниями. Где-то за стеной заплакала скрипка. Заплакала и Маша, положив голову Пете на плечо.

Лемминг добрался до центрального острова – элитного района с офисными небоскрёбами и дорожным жильём, позволить себе которое могут лишь немногие в городе. И ни для кого не секрет, кто именно эти немногие. Нужно Леммингу здание выглядело таким непрезентабельным на фоне других зданий на острове: будто кто-то по ошибке построил его по чертежам, предназначенным для застройки северно-западной окраины: низкое, пятиэтажное, с совершенно уродливым, залитым оранжевым фонарным светом, жёлтым фасадом. Лемминг поприветствовал вахтёра, по широкой лестнице поднялся на пятый этаж и позвонил в одну из дверей. Открыла ему секретарша – женщина с каре-стрижкой, в очках и узком малиновом платье, подчёркивающим её неплохую фигуру.

– Вам чего, молодой человек? – спросила она раздражённым прокуренным голосом.

– У меня встреча с господином Дарбсом, – спокойно ответил Лемминг.

– У вас-то? – усмехнулась секретарша, полагая, что в свои года Лемминг должен сидеть дома и делать уроки.

– Да. И из-за вашего бестактного вопроса я опаздываю на минуту, поэтому позвольте войти.

Секретарша фыркнула и пропустила Лемминга в узкий захламлённый какими-то коробками коридор. Дверь в кабинет босса находилась в самом конце, и Лемминг быстро дошёл до неё, не заглянув в приоткрытую дверь слева и не приметив, как четыре уставших работника корпели над документами.

Получив разрешение, парень вошёл в кабинет и застыл. Дарбс так же застыл. Оба удивились. Лемминг ожидал увидеть перед собой крепкого и уверенного в себе мужчину, но никак не худого, скрюченного в знак вопроса из-за высокого роста мужичка с измученным лицом,

круглыми очками и огромными залысинами. Дарбс же не думал, что человек, с которым он имел продуктивный телефонный разговор по поводу «интересного предложения», окажется подростком. В какой-то момент ему показалось, что всё это розыгрыш. Даже промелькнула мысль выгнать парня, но вместо этого Дарбс протянул ему руку и пригласил сесть на диванчик под окном. Лемминг сел, и Дарбс сел.

– Так значит Вы и есть тот самый исследователь леса? – спросил Дарбс, улыбнувшись, чтобы разрядить обстановку.

– Да, – уверенно ответил Лемминг, доставая из сумки жёлтый конверт, – тут лишь небольшая часть моих исследований: животные, карты, аномалии.

Дарбс открыл конверт и вытащил несколько фотографий. На первой он увидел птицу, формой, размером и клювом напоминающую филина, но с мордочкой, как у кошки; на второй – крупное толстое мохнатое животное на тоненьких лысых лапах; на третьей – кого-то, похожего на медвежонка. Дарбс обратил особое внимание на грызуна на одном из снимков.

– А это кто? Похож на хомяка.

– Я зову его Леммингом. Он способен понимать нашу речь и управлять всеми обитателями леса.

Дарбс ещё раз рассмотрел фотографии, сложил их в конверт и положил к себе на стол.

– Предположим, я верю. Но зачем Вы обратились ко мне? – манера Дарбса делать акцент на слове «вы» раздражала Лемминга, и он решил отзеркалить это.

– У меня есть проект, за основу которого можно взять мои исследования. Мне лишь нужна Ваша, – с ударением, – помощь в его реализации. И местом реализации послужит участок леса, который Вы приобрели.

Дарбс о чём-то задумался.

– И какая мне с этого выгода?

– Огромная!

Лемминг назвал предполагаемый доход. Дарбс вздрогнул и побледнел.

– Шутите?! С такими вот шутками идите домой шутить!

Лемминг тяжело вздохнул.

– Послушайте, господин Дарбс. Я провёл в этом лесу столько времени, сколько люди не живут: однажды я угодил во временную аномалию и смог выбраться из неё дай бог лет через 50, а потом пользовался этой аномалией в своих целях. У меня было время изучить всё: начиная от микробиологии, заканчивая экономической ситуацией нашего города и теорией бизнеса. Если я сказал, что доход будет таким, то он таким и будет.

Дарбс усмехнулся.

– То есть Вы считаете себя гением? Тогда зачем гению помощь такого простолюдина, как я?

– Господин Дарбс... – взмолился Лемминг. – Избавьте, пожалуйста, от дурных вопросов и этой неуместной иронии.

– Хорошо-хорошо, но, если, предположим, на секундочку представить, что Вы неправы, и проект окажется убыточным?

– Я не думаю, что это окажется убыточнее того, что Вы там собирались строить, и Вы поймёте это, когда строители начнут пропадать без вести, а Вам начнут прилетать судебные иски. Один я знаю, где строить безопасно.

– Хм, а почему бы мне просто не купить Ваши исследования?

– Можете, конечно, – усмехнувшись, пожал плечами Лемминг, – но я уверен, что реализовать Вы их не сможете. А ещё оцениваю я их дороговато: за один такой конвертик, что Вы беспардонно положили к себе на стол вместо того, чтобы вернуть, мне, придётся крайне сильно раскошелиться. Впрочем, если Вам это по карману, то я не против.

Дарбс рассмеялся, легонько хлопнув в ладоши, и весело сказал:

– Хороший Вы парень! Давай, попрошу сделать нам по чашечке чая, и обсудим всё в более раскованной атмосфере.

– Хорошо, и давайте перестанем делать глупый акцент на слове «вы».

Дарбс вызвал секретаршу. Через три минуты она закатила в кабинет тележку с чашками, заварочным чайником, сахарницей, нарезанным лимоном и вазой с конфетами.

Переговоры закончились поздней ночью. Лемминг смог убедить Дарбса в необходимости строить цирк. Предстояло много работы. Лемминг предвкушал дни на стройке: как он будет объяснять рабочим, какое дерево трогать можно, а какое нет, и как вечером в кабинете Дарбса за чашечкой чая будут разворачиваться дискуссии по поводу будущих представлений.

Дарбс вёз Лемминга домой. Машина предпринимателя – внедорожник среднего класса – самый уютный и удобный автомобиль из тех, в которых парню удалось поехать. В салоне тихо: не слышно завывающую снаружи метель. Тепло, как летом.

Дома Лемминг первым делом отправился на кухню, чтобы поесть. Еды оставалось не так много, и надо будет снова идти в магазин. Тихонечко, чтобы отец и сестра не проснулись, доев суп, парень добрался до кровати, сбросил одежду и юркнул под одеяло с блокнотом и фонариком.

11.

У отца заканчивались лекарства. Леммингу предстояло снова обратиться к Барону. Становилось не по себе от осознания, что нужно вновь ехать в ядовитый промышленный район, на склад контейнеров, и разговаривать с человеком, чьи руки запачканы кровью десятков тысяч людей, а потом выполнять его поручения, чувствуя себя преступником. И хоть общались они с Бароном уважительно, Лемминг понимал, что в любой момент окажется ненужным, опасным, списанным и закончит жизнь с пулей в голове, и тело его никогда не найдут. Однако лекарства нужны: отец благодаря им чувствует себя лучше. Однако лекарства нужны: отец, принимая их, чувствует себя лучше. И Лемминг бы и рад их просто купить, да негде. И только Барон мог их достать. Связи решали.

Лемминг сделал себе и сестре на завтрак яичницу из последних двух яиц, и заварил кофе. Сестра спросила у брата, чем он сегодня будет заниматься и пойдёт ли в школу. Лемминг честно ответил, что пойдёт за лекарствами. Сестра встревожилась.

– На кого ты работаешь? Где ты их берёшь?

Лемминг взял сестру за руку и сказал, что ей не о чем беспокоиться.

– Я не хочу тебя потерять, братишка, слышишь? — голос её дрогнул. — Не хочу хоронить тебя, не хочу...

– Отцу нужны лекарства. Он должен поправиться, чего бы мне это ни стоило.

На глазах сестры выступили слёзы, и она прошептала:

– Его дни сочтены, а тебе ещё жить и жить.

Лемминг отдернул руку, глаза его заблестели злобой. Он вскочил, так и не притронувшись к еде, взял свою кожаную куртку в коридоре и вышел, не хлопнув дверью.

Город тонул в слякоти. На оживлённой спешащей улице человек остановился, почувствовав боль в груди, пытался нащупать сердце сквозь слои тёплой одежды, да так и упал, погасшим взглядом полным страха за жизнь уставившись в хмурившееся небо. И толпа не обращала никакого внимания на остывающее тело: её таким не удивить. Врачи запоздалой скорой развели руками, обнесли труп яркими двухцветными лентами и скрылись за углом пересечения безымянных улиц. А люди всё шли в ледяную даль, ничего не думая и не ища никаких вопросов.

Громила с пустыми глазами обыскал Лемминга, заранее зная, что ничего не найдёт. В знакомом помещении сидел Барон. На столе всё так же лежала белая пыль; золотых слитков и аккуратно сложенных пачек денег стало больше. Барон положил недокуренную сигару в хрустальную пепельницу и спросил парня, чем может помочь.

– Мне нужны лекарства, — ответил Лемминг.

Барон сверкнул красным камнем на перстне, сложив руки на груди.

– А у тебя есть что-то взамен? Скажем, то, что ты приносил мне в прошлый раз?

– Нет, но я готов выполнить какое-нибудь поручение.

Барон хотел было сказать, что нет оплаты – нет товара, но в его душе заиграли нотки тщеславного благородства, и он задумался, чего бы такого дать Леммингу, чтобы он и помог, но и в дела не сильно вникал.

– Работа – отправиться по адресу и объяснить нескольким мальчуганам, что не стоит им заниматься тем, чем они занимаются.

Лемминг, услышав слово «объяснить», понял, что объяснять придётся не пламенными речами.

– Извините, господин Барон, я школьник, который не зависает сутками в спортзале и не имеет такого тела, чтобы «объяснять».

Барон рассмеялся.

– Не бойся, те ребята – такие же школьники. Кроме того, с тобой поедет один из моих парней, – сказал Барон, и из тёмного угла, будто ожидая, когда его упомянут, вышел громила, лицом, телосложением и одеждой похожий на остальных громил Барона. – Успехов, господа.

Лемминг молча шёл за громилой меж контейнеров. На душе было гадко. Он продолжал размышлять о работе на Барона, развивал мысль, что завязать с такой работой можно только на койке под серой простынёй в морге. И вот сейчас он добровольно отправлялся в чужие дворы на бандитскую разборку в паре с человеком, в котором, казалось, не осталось ничего человеческого, кроме тела.

И хлопнули двери чёрного седана, поплыли за окнами заборы заводов, трущобы. Лемминг душил страх мыслью, что Барон окажется тем самым романтизированным криминальным авторитетом, который позаботится о семье погибшего на задании головореза. Другое дело, что Лемминг не считал себя головорезом.

Машина резко затормозила у арки. Громила молча достал две биты, натянул лыжную маску, и, вместе с битой, бросил такую же Леммингу.

– Идём.

Двор встретил их запахом сырого асфальта и дешёвого алкоголя. Пятеро мужиков – видимо, их Барон назвал школьниками – лениво распивали, обмениваясь грубыми шутками. Громила не замедлил шаг.

– Вы забрались на чужую территорию.

И ударил одного из них с размаху в затылок, отправив того если не на тот свет, то в глубокий нокаут. И тут же зазвенело бьющиеся об асфальт стекло бутылок: началась драка. Громила с животной мощью колотил сразу троих. Лемминг же застыл. Прямо перед ним – мужик с ножом, сжавший рукоять так, что костяшки побелели. Кто-то – участник схватки или случайный зритель – заорал:

– Чего стоишь?! Бей!

Лемминг поддался рефлексу. Он шагнул вперёд и ударил мужика по голове. Тот пошатнулся. Лемминг ударил снова. И ещё, и ещё. И остановился только когда лезвие выпало из ослабевших пальцев раскинувшегося под ногами тела. Переводя дух, Лемминг обернулся на громилу. Тот явно не испытал больших проблем: все мужики лежали, корчились и стонали от боли. И вдруг Лемминг увидел, как один из них дрожащей рукой поднял пистолет и стал целиться громиле в спину. «Осторожно!» – Лемминг швырнул биты. Раздался выстрел. Со звоном посыпалось стекло. Громила обернулся на стрелявшего, выхватив из кобуры свой пистолет и двумя выстрелами убил человека.

И лишь в машине, стянув с головы душную лыжную маску, Лемминг почувствовал боль в руке. Засучив рукав, он увидел глубокую кровоточащую рану. Громила кинул на Лемминга взгляд, раздражённо выдохнул и сказал, что отвезёт к знакомому врачу.

Врачом оказался одноглазый высокий безумного вида патологоанатом, обитавший в холодном подвале жилого дома. Поприветствовав громилу и Лемминга неуместно широкой беззубой улыбкой, он провёл их в помещение с кафельными стенами и запахом хлорки. В центре помещения – койка. И любой бы точно догадался, что именно, покрытое серой материей, лежит на этой койке.

– С чем пожаловали, господа? – спросил доктор ледяным голосом, всё так же улыбаясь.

– Осмотри парня, – приказал громила, затем спросил: – Отсюда можно позвонить?

Врач, глядя прямо в глаза Леммингу, кивнул:

– Через дорогу есть телефонный автомат.

– Принял. До скорого.

Громила поспешно ушёл, сказав Леммингу, чтобы тот навестил Барона завтра. Врач бесцеремонно схватил парня за запястье и, осмотрев рану, усмехнулся:

– Просто царапина. С горки что ли упал?

Лемминг сдавленно улыбнулся. Он и сам не понимал, откуда у него появилась эта рана: он был уверен, что мужик с ножом не нанёс ему повреждений.

– Тебе повезло больше, чем ему, – доктор бросил взгляд на койку. – Заштопаем, и домой пойдёшь, – вдруг его улыбка исчезла, лицо приняло устрашающее выражение, и он прошипел сквозь зубы: – И забудешь дорогу сюда, – добавив после паузы: – когда рана заживёт.

Врач вновь улыбнулся, пригласил Лемминга присесть за стол, налил в небольшую ёмкость что-то из прозрачной бутылки и протянул парню, сказав, что это обезболивающее. Лемминг махом влил в себя жидкость и, почувствовав гадкий вкус, тут же ударивший в голову, и тепло, разливающееся по внутренностям, понял, что выпил спирт. Врач обработал рану, после чего принялся накладывать швы. Лемминг, морщившись от боли наблюдал, как края раны соединяются под чёрными нитками. Быстро всё закончив, доктор потрепал парня за волосы и велел вернуться завтра. Выйдя на улицу, Лемминг вдохнул ядовитого воздуха, огляделся, понял, что находится в незнакомой части города и, чувствуя одновременно слабость и прилив сил, пошёл по тротуару в поисках автобусной остановки, заложив руки в карманы, осмысливая всё, что произошло с ним за последние несколько часов. Он не чувствовал никакой жалости к убитым и пострадавшим в драке. Не боялся, что кто-то наблюдал за произошедшим из окна и уже рассказывает обо всём полиции. Лыжная маска и чёрная куртка делает человека практически невидимым, прячет среди таких же безликих убийц, маньяков, грабителей, которые, переодевшись, становятся добропорядочными гражданами. Всё будет хорошо. За исключением того, что работа на Барона в обозримом будущем может стать такой, что от неё просто невозможно будет отказаться. Откуда же берутся все его громилы? Приходят однажды и остаются навсегда, потому что разорвать импровизированный бессрочный контракт с криминальным авторитетом зачастую можно лишь выплатив неустойку – собственную жизнь.

Примерно через два квартала раздумий Лемминг понял, что хочет зайти к Маше и Пете, а вечером отправиться к Дарбсу.

И Маша, и Петя были рады видеть Лемминга.

– Знаете, о чём я подумал? – сказал он, обняв Машу и поздоровавшись за руку с Петей. – Человеческая жизнь настолько хрупка, что любое неверное решение, неверное знакомство рано или поздно убьёт вас. И осознав это, я понял, что вы, ребята, одно из тех самых неверных решений. Но я всё равно рад, что познакомился с вами.

Петя и Маша переглянулись, пожалы плечами и пригласили Лемминга выпить чаю. Разделив последний пакетик на три чашки, ребята устроились на кровати.

– Как день провёл, лисичка? – весело спросила Маша, глянув на растрёпанные рыжие волосы своего друга. Лемминг ничего не ответил, а лишь потупил взгляд, сделав неуклюжее движение рукой. Маша, проследив за этим движением, заметила кровь на рукаве джемпера. Жизнерадостное выражение сменилось испугом: – Всё в порядке?

Снова нет ответа. Лишь глаза заблестели слезами. Маша заволновалась:

– Ну же, что случилось?

И после этих слов Лемминг, вновь прокрутив события дня, зарыдал. Девушка тут же обняла друга и, поглаживая по спине, попросила рассказать всё. И Лемминг рассказал всё: всё о своём детстве, больном отце и ушедшей матери, всё о своих исследованиях аномалий леса и о своих школьных успехах, закончив рассказом о сегодняшней работе на Барона. Маша, всё внимательно выслушав, предположила:

– Может быть, тот, кого ты побил, выживет.

– А тот, кого застрелили – нет.

– Ты не виноват! Ты делал это ради отца.

– Да, – кивнул Лемминг. – Мой отец хороший человек, и я делаю всё, чтобы его вылечить.

Но цена этого лечения – человеческие жизни. И это несправедливая плата.

– А что говорят врачи? Почему они не лечат? – наивно спросила Маша, заставив Лемминга усмехнуться.

– А что врачи? Местные врачи говорят, что это не лечится. А вот у тех врачей, – Лемминг многозначительно махнул рукой вперёд. – Лечится. Но на лечение надо сначала накопить.

– А есть разные врачи? – удивлённо спросил Петя.

Лемминг вздохнул и стал объяснять другу, как работают врачи в его мире, сравнивая их с врачами Союза.

– Понятно... – протянул Петя, почёсывая затылок. – Но почему ты стал работать на этого Барона?

– Такие люди, как он, имеют большие связи. Я работаю на него, потому что он способен достать нужное лекарство, которое сохранит отцу жизнь до того момента, как я накоплю на операцию и переезд. И мне показалось, что я готов на любую работу, но, я ошибся: на моей совести слишком много искалеченных жизней.

– Ты никого не калечил! Ты защищался! – настаивала Маша.

– Я говорю про другое... Если быть объективным, те два несчастных бандита всё равно бы рано или поздно погибли. Я же говорю про наркотик, в создании которого я принял участие. Дело в том, что из одного цветка можно сделать кое-что сильное и смертельное, но у нас этот цветок давно не растёт. Зато растёт у вас, в Союзе.

– К чему ты клонишь? – насторожился Петя.

Лемминг снял куртку и свитер, оставшись в лёгкой рубашке с нагрудным карманом, сменил штаны на шорты и зимнюю обувь на летнюю. Сложил все вещи в походный рюкзак, спрятавший в кустах, перебросил через плечо большую сумку и надел шапку-ушанку. В таком виде он перелез через забор, добрался до береговой линии и по ней дошёл до Высокого Мыса. Стояло пасмурное утро. Лемминг шёл дворами, разглядывая пустые аккуратные клумбы и красные плакаты на досках у подъездов, сжимая в правом кармане шорт пузырьрёк, полный таблеток. В одном из дворов за Леммингов увязался чёрный пёс с белой доброй мордочкой. Лемминг остановился, и пёс остановился, завиляв хвостом.

– Прости, дружок, для тебя ничего нет.

Пёс грустно опустил нос, заскулил и медленно пошёл назад. Две вороны, наблюдавшие с высоты проводов, соединяющих крыши пятиэтажек, спикировали мимо Лемминга, едва не задев его, и взлетели к фонарному столбу. На крыше белого единственного припаркованного во

дворе автомобиля лежал, поджав лапки, серый кот. Очень уютный город. Ни в какое сравнение с Пислетой.

Вскоре Лемминг добрался до зеленеющего пустого парка. Идя по вымощенной дорожке между молоденькими клёнами, парень оглядывался по сторонам в поисках клумбы с заветным цветком. Впереди он увидел старшекласника, метущего пыль. Тот неспешно, с уставшим лицом орудовал метлой, делая регулярные перерывы, чтобы оценить проделанную работу и вздохнуть, что не сделал даже половины. У Лемминга сразу созрел план. Он подошёл к трудящемуся и протянул руку со словами:

– Приветствую, товарищ! Работаешь?

Парень пожал руку и ответил:

– Да, потихонечку. А ты почему в шапке?

Лемминг, проигнорировав вопрос, сложил руку козырьком и посмотрел в начало, а потом в конец дорожки.

– Мда, долго тебе ещё мести.

– Угу, – вздохнул парень. – Два часа работ дали.

– Я знаю, как тебе помочь, — Лемминг вынул из кармана пузырёк.

– Что за таблетки? – насторожился парень.

– Повышают физическую активность, – ответил Лемминг, сам не зная свойства таблеток. – Бате на работе выдали как премию. Будешь?

– Ну, давай.

– Скажи только, ты не знаешь, где можно семена этого цветка достать? – спросил Лемминг, достав из нагрудного кармана рубашки и показав тетрадный лист с зарисовкой.

– В домике садовника вроде как хранятся все семена, а что?

– Задание дали – принести семена. А откуда брать, не сказали.

– Понял, а шапка зачем?

– В школе объясню. Я теперь, насколько мне известно, твой новый одноклассник, – соврал Лемминг. – Ну всё, мне пора! Больше одной таблетки не ешь.

Парни пожали руки. Лемминг отправился искать домик садовника, а школьник, проглотив таблетку, продолжил выполнять общественный долг.

Деревянное зелёное строение невидимкой вписалась бы в парковый пейзаж, если бы не красный плакат, на удивление единственный во всём парке. Дверь оказалась не заперта. Внутри пусто. Лемминг нашёл кладовую – тесное помещение с узким окном под потолком – и стал осматривать стеллажи и перебирать расставленные по непонятному признаку промаркированные коробочки. Он открывал одну за другой, и в каждой находил множество пакетиков. На руке щёлкнули часы, сигнализируя, что начался новый час – предупреждение, что время истекает, и нужно ускориться, потому что садовник может вернуться в любой момент. И не прошло минуты, как скрипнула входная дверь, и послышались шаги. Лемминг, прервав поиск, осмотрел помещение и увидел топор. Топорище он просунул между дверью и ручкой, благо дверь открывалась наружу, и, вздохнув свободнее, вернулся к стеллажам, однако поймал себя на мысли, что забыл, на какой коробке остановился. Пришлось начинать чуть ли не с самого начала. Проверив треть коробок, Лемминг услышал, как входная дверь скрипнула вновь: появилась надежда, что садовник отлучился. Но нет. Послышались голоса. Кто-то дёрнул дверь кладовой и сказал басом:

– Заперто.

– Как заперто?

Дверь снова дёрнули. Лемминг продолжал хладнокровно перебирать коробки и на словах: «Вызывай милицию», — в одной из последних нашёл-таки нужный пакетик. Дело оставалось за малым: сбежать. Парень открыл окно, выбросил в него сумку, после чего вылез сам, едва не застряв. Подняв сумку, он отряхнулся, вышел на дорожку и быстро покинул парк, а

затем и город, всю дорогу стараясь нащупать в пустом кармане пузырёк с таблетками, вспоминая, где он этот пузырёк взял и стоило ли его отдавать незнакомцу. Конечно, не стоило. Любой чужеродный элемент может погубить сложный механизм всего этого государства, как песчинка, застрявшая в самой маленькой шестерёнке.

Август. Послеобеденное время. Лемминг читал отцу повесть о влюблённых друг в друга сыне и дочери королей враждующих между собой государств. Конец этой повести трагичен: принца убивают в бою, принцесса винит в этом своего отца и пытается его отравить, но гибнет сама. Лемминг, чтобы не расстраивать отца, придумал другую концовку: короли заключают перемирие, чтобы их дети были счастливы. Однако повесть никогда не дочитывалась до конца: отец засыпал на эпизоде, когда влюблённая принцесса поёт и кружится в танце в своих покоях, и от её движений расцветают комнатные цветы, наполняя помещение чудесным благоухающим запахом. Отец Лемминга любил растения. Когда-то у него была мечта украсить ими всю комнату. Чтобы на подоконнике тянулись к солнцу росточки в крошечных сосудах. Чтобы по углам зеленели размашистые папоротники. Чтобы распускались разноцветные бутончики в горшках, подвешенных к потолку... Жена его, однако, каждый раз скандалила и грозилась выбросить всё, что так любил её муж. А когда болезнь стала прогрессировать, уже было не до мечтаний. И только одинокий кактус вечность стоял на прикроватной тумбе.

Лемминг закрыл книжку, положил её рядом с кактусом и тихо вышел из комнаты, прикрыв дверь.

– Всё в порядке? – шёпотом спросила сестра, когда Лемминг вошёл в спальню.

– Уснул, – ответил парень, садясь за письменный стол, чтобы заняться чертежами.

Но тут раздался звонок в дверь. Сестра пошла открывать. Лемминг циркулем сделал несколько засечек на миллиметровке, затем взял карандаш, чтобы начертить отрезки. В коридоре раздались крики. Лемминг, поняв, кто пришёл, швырнул карандаш, вскочил со стула и вышел в коридор с горящими от ярости глазами. В коридоре он увидел то, что ожидал увидеть: нетрезвую мать, которую, по привычке не спрашивать «кто там?», впустила сестра.

– Проваливай! – крикнул Лемминг непрошеному гостю, отталкивая сестру в сторону.

– И не подумаю, – заплетающимся языком ответила мать, пытаясь поставить сумку на табуретку. Но сумка шлёпнулась на пол, и часть её содержимого высыпалась. Лемминг схватил сумку, небрежно запихнул туда выпавшие вещи, вышел на лестничную клетку и швырнул сумку вниз.

– Убирайся! – крикнул парень, выталкивая женщину из квартиры, яростно захлопывая дверь.

Сестра плакала. Лемминг обнял её, утешил, затем заглянул в комнату к отцу. Тот не спал и поманил Лемминга жестом. Парень послушно подошёл к кровати.

– Ты слишком жесток к матери, – сказал отец утомлённо.

– Она этого заслуживает.

– Нет, сын. Она твоя мать и заслуживает уважения.

Лемминг, придумывая десятки аргументов, оправдывающих его отношение к матери, лишь вздохнул, ответив:

– Ты прав. Я не должен был так поступать, – и повернулся, чтобы выйти из комнаты.

– Постой, – сказал отец. – Раз уж я проснулся, то ты не мог бы мне дочитать повесть.

– Конечно.

Лемминг сел на стул, взял книгу и продолжил читать с эпизода танца принцессы. Отец в течение всего рассказа внимательно слушал не смыкая глаз и, когда Лемминг закончил, сказал с грустью:

– Интересно. Жаль, что по-другому всё на самом деле закончилось.

– Я подумал, что эта концовка лучше.

– Может быть, но она не правдива. Мечтать, конечно, хорошо, но мечты имеют свойство почти никогда не сбываться. Нужно учитывать это.

Отец закрыл глаза и вскоре заснул. Лемминг вышел из комнаты, бросил случайный взгляд на подставку для обуви и заметил под ней пузырёк с таблетками, видимо выкатившийся из сумки матери. Парень поднял его и положил в правый карман, сразу же забыв об этом.

– Стой! – воскликнула Маша. – Ты был в Высоком Мысе и отдал кому-то неизвестные таблетки?

– Да, – ответил Лемминг, делая вид, что его огорчил тот факт, что его перебили.

– А как выглядел тот парень? – тревожно спросила Маша.

– Не помню, – отмахнулся Лемминг. – Шанс, что ты его знаешь, учитывая численность населения Высокого Мыса, мизерный.

– Какая разница! – разозлилась Маша. – Мои одноклассники чуть ли не каждый день выполняют Общественные работы. А если ты кому-нибудь из них дал эти таблетки? А если они кому-нибудь навредят?

– Не думаю, – равнодушно ответил Лемминг.

– Вот именно, что ты не думаешь! Ладно в своём мире людей калечишь, но в наш лезть не смей!

Лемминг пропустил эти слова через себя, кивнул и сказал:

– Обстановка стала душной. Пойду-ка я.

– Я тебя провожу, – сказал Петя.

– Ты чудовище! – крикнула Маша вслед Леммингу, когда тот выходил за порог.

Парни продолжили общение у двери подъезда.

– Ух, как же тут холодно, – пробормотал Петя, поёжившись.

– Потерпи, скоро домой поедешь.

– Вообще-то я хотел бы остаться, – сказал Петя неуверенно.

– Да? Почему?

– Судя по твоим рассказам, тут я могу найти себя, и тут есть свобода.

– Свобода? – усмехнулся Лемминг.

– По крайней мере, тут я могу выбирать, кем буду работать, что буду есть на ужин и как буду отдыхать. А там, в Союзе, уже всё выбрали за меня. Свобода в мелочах лучше отсутствия свободы вообще. Тем более ты говорил, что где-то есть место, где люди ещё свободнее, получают много денег и хорошо живут. Я буду стремиться попасть туда.

– Ладно, оставайся, – равнодушно сказал Лемминг. – Я тебе помогу с документами и жильём, но ты всё отработаешь.

– Хорошо, спасибо. Что ты, кстати, думаешь про те таблетки?..

– Ничего не думаю, – признался Лемминг. – Скорее всего, это были какие-нибудь болеутоляющие или антидепрессанты... – парень сделал паузу, чтобы надеть перчатки. – Хотя я всё чаще чувствую себя главным героем романа с очень уж банальным сюжетом, а эти таблетки

как рояль в кустах совершенно точно приведут к неприятным последствиям... Надеюсь, автор хотя бы сделает хэппи-энд.

Петя пожал Леммингу руку и скрылся за ржавой дверью. Лемминг отправился к Дарбсу. В офисе они поговорили и выпили чаю. Дарбс сообщил, что занимается бумагами, и строительство можно будет начинать со дня на день.

Когда Лемминг пришёл домой, сестра его уже спала. Он перекусил, прошёл в комнату, лёг под одеяло, задумался, глядя в потолок, и заснул.

12.

Неведомая лесная птица прыгала влево-вправо по ряду кирпичей, который когда-то был частью стены. Своим ласковым пением она разбудила закутавшегося в спальник Лемминга. Парень зевнул, потянулся, погладил свои рыжие короткие волосы и тихим голосом поприветствовал утреннего гостя, затем порылся в своём рюкзаке и достал оттуда горсть зерна. Птица легко перелетела поближе к Леммингу и стала клевать угощение, изредка поднимая свою маленькую головку, чтобы чёрными, как угольки, глазками заглянуть в ласковые глаза столь большого и непонятого для неё существа. Склевав последнее зерно, она вспорхнула и улетела прямо в голубое ясное утреннее небо, прямо в сливочные облака. Лемминг сложил спальник и убрал его в рюкзак, спустился с башни, достал компас и отправился на север.

Через лес парень вскоре вышел к равнине и заметил вдалеке дома. Достав из накладного кармана маленький бинокль, он осмотрел строения и, сделав вывод, что они пусты, решил подойти поближе. Это его пугало: вспоминались страшные истории, в которых любопытные дети подходили к домам-призракам и либо погибали, либо пропадали, либо становились проклятыми; а тут не просто дома-призраки, тут целая деревня-призрак. Лемминг переступил через опрокинутую ржавую бочку, осмотрелся и решил проверить один из домов. Миновав заросший двор, он зашёл в коридор. Двери не было. Мебели тоже. Пол сгнил, розовые обои покрылись жёлтыми пятнами. В одной из комнат Лемминг вдруг почувствовал сильную сонливость. Ноги перестали держать, захотелось лечь, что Лемминг и сделал, и пол показался ему мягкой кроватью, глаза закрылись, и между сном и бодрствованием явился голос. Он говорил протяжно что-то непонятное, но торжественное, и всё отдалялся пока не смолк окончательно. «Это призыв о помощи!» – подумал Лемминг, сделал усилия, открыл глаза и увидел не сгнивший потолок, а высокие кроны сосен на фоне густых облаков. Рядом кто-то настойчиво неприятно щебетал. Лемминг повернул голову и увидел птицу, ту самую, которую он кормил утром. Своим щебетом, своими чёрными глазками она как бы просила следовать за ней. Лемминг поднялся с земли, поправил рюкзак и побежал за птицей сквозь кусты, пока не оказался на огромной поляне, в центре которой стоял пенёк. Вокруг него столпились невиданные животные: большие и маленькие, с завитушчатými, прямыми, короткими или длинными рогами или без рогов, с крыльями и без крыльев, стоящие на двух лапах или на четырёх, однотонные или разноцветные. И все животные расступались перед Леммингом, пропуская его к пню. А на пне лежал грызун, белый комочек, а на тельце его краснели глубокие следы от когтей. Парень опустился на колени, достал из рюкзака аптечку, обработал раны, перевязал тельце бинтом, но понял, что этого недостаточно. Тогда он крикнул в толпу зверей, надеясь, что они его поймут: «Нужно в город! Срочно!» Животные засуетились, стали смотреть друг на друга, пищать, рычать, пыхтеть и издавать другие звуки, будто переговариваясь. В конце концов, к Леммингу подошла высокая, почти три метра ростом, красная сумчатая птица. Клювом за шиворот она взяла парня, бережно спрятавшего грызуна в карман, и посадила в свою сумку, следом так же доставила в сумку рюкзак, затем, оттолкнувшись мощными лапами от земли, взмыла в воздух, оставляя под собой поляну, животных, устремивших взгляд вверх. За два взмаха крыльев, птица преодолела большое расстояние, спикировала к оврагу и аккуратно приземлилась на горизонтальную часть ствола причудливой сосны, той самой, с которой однажды Петя и Маша прыгнут за Леммингом. Лемминг взял рюкзак, вылез из сумки, но не сумел удержаться на стволе, стал терять равновесие и упал вниз, в овраг. Странное чувство невесомости захватило парня. Через мгновение он открыл глаза и увидел перед собой низкое серое городское небо, затем поднялся, осознал, что оказался на крыше одной из бесчисленных городских панелек,

убедился, что раненый зверёк в кармане жив, и поспешил вниз через подъезд искать ветеринарную клинику.

Спросив дорогу у вымученного работой дворника, Лемминг добрался до здания, в котором, помимо нужной ему клиники, обосновались продуктовый магазин, тренажёрный зал, аптека, салон красоты и полицейский участок. В тесном помещении ветеринарка на столе перед закрытым рольставнями окном обрабатывала рану скулящей собаке, одновременно осматривая сломанную лапку морской свинке. Вдоль стенок друг на друге стояли с десятков пустых переносок. Под потолком весели несколько клеток для попугаев. И лишь в одной из них на жёрдочке неподвижно смотрел в зеркало неразлучник. Девушка обернулась на парня и спросила устало:

– Что у вас?

– Вот... – Лемминг бережно достал из кармана лесного грызуна и передал в руки ветеринарке. Та положила его на стол между собакой и морской свинкой, сняла бинт и осмотрела рану.

– Это что, лемминг? – спросила она, заканчивая осмотр. – Никогда таких не видела, – по металлическому подоконнику застучали капли дождя. – Надежд мало. Давайте усыпим, чтоб не мучился?

– Делайте всё, что можно, – попросил парень.

Девушка вздохнула. Парень сел на стул у выхода и закрыл глаза. Он чувствовал ответственность перед этим зверьком, кем бы он ни был. «Это лемминг?» Лемминги в этих краях не живут, и это один из двух фактов, что он знал об этих зверьках наверняка. Второй факт – вопреки известному заблуждению они не совершают никаких стайных самоубийств. «Этот зверёк определённо не лемминг, – размышлял парень, – это сказочный зверёк, как то сияющие насекомое, как та сумчатая птица, как все звери на поляне, и как тот монстр, что нанёс грызуну рану», – парень достал блокнот и стал рисовать всех животных по памяти. Набросал также, как может выглядеть зверь, ранивший грызуна: среднего размера пятнисто-полосатое туловище, как у рыси, свирепая морда, как у рычащего медведя, и два рога, как у чертёнка. Набросок не понравился парню, и он его размашисто перечеркнул и перевернул страницу. В голове вдруг всплыл любопытный образ, который он поспешил изобразить: чёрный кот, который оцетинился, увидев собственную тень.

Парень закрыл блокнот и взглянул на часы на стене. Стрелки застыли на пятнадцати минутах первого. Секундная стрелка вздрагивала на одном месте, пытаясь перескочить цифру 9. Где-то снаружи сверкнула молния, и отдалённые раскаты грома испугали собаку, отчего та жалобно заскулила. Ветеринарка нежным голосом сказала ей, что всё хорошо. Парень взглянул в грустные глаза собаки, которую покидала жизнь, и спросил:

– Где её хозяйева?

Ветеринарка не ответила. Собака закрыла глаза и больше не открывала.

Вскоре девушка подозвала парня со словами:

– Может быть, шансы есть. Сейчас я выпишу лекарства и мази. Их можно тут, прямо в аптеке купить.

– Спасибо, – сказал парень, принимая листок и бережно пряча грызуна в карман. – А не подскажете, где можно взять клетку и корм?

Девушка удивилась:

– Что за вопросы? А чем вы его обычно кормите и где он у вас живёт?

– Старая клетка сломалась, – не растерялся парень. – Родители сказали новую купить и еду тоже, а где, не сказали.

– Клетку можете тут взять, – вздохнула девушка, доставая из-под стола просторную клетку с поилкой и кормушкой. – Некоторые хозяйева приносят их с большими питомцами и больше никогда не возвращаются.

Парень, осмотрев клетку, отказался. Ему делалось неприятно от осознания, что его раненый друг будет обитать в клетке, в которой жило умирающее животное. Он чувствовал большую ответственность за этого грызуна. Неведомые сказочные лесные животные, можно сказать, попросили его помочь, и он не мог их подвести.

Рассчитавшись с ветеринаркой, парень поспешил в аптеку, купил все лекарства и мази, затем в продуктовом магазине приобрёл ягоды, крупы и семена, потратив почти все накопленные деньги, после чего отправился домой. В автобусе он напоил зверька водой из бутылки и дал семечек. Дома его ждала сестра. Она набросилась на него со словами:

– Ты совсем с ума сошёл?! Опять пропал на чёрт знает сколько времени!

Парень жестом показал, что ему не до скандалов. Он достал из комода глубокий ящик, бесцеремонно, под негодующие возгласы сестры, вытряхнул все вещи, поставил ящик на стол и положил в него раненого зверька. Сестра, увидев, в чём дело, успокоилась и предложила свою помощь. Лемминг попросил её принести мягкие полотенца и мисочки. Вскоре ящик стал добротным жилищем.

– Завтра нужно купить ему клетку, – сказал Лемминг, насыпая в кормушку семечки.

– А кто это? – спросила сестра.

– Лемминг, – соврал парень, чтобы не заморачивать голову рассказами о сказочных лесных животных. – Нашёл раненого.

– Не похож... Они разве живут у нас?

– Как видишь.

– Они же не домашние.

– Залечит рану, и я его верну в естественную для него среду.

Прошло много времени. Грызун по-прежнему жил у Лемминга. Рана его зажила, ящик сменился новенькой клеткой. Парень привязался к зверьку, и этому поспособствовал тот факт, что зверёк будто может говорить с ним: *«Странное дело, – писал Лемминг в дневнике, – грызун-то разумный. В первый же день, когда я принёс его домой и наблюдал за ним, он заговорил со мной. Однако выглядело это, как реплика, всплывшая в моём сознании. Я абсолютно был уверен, что она чужеродна, что кто-то как будто вложил её в мою голову. И я ответил так же в мыслях, но эффекта это не принесло. Вечером, когда я вернулся домой с новой клеткой, я поздоровался с грызуном, как обыкновенно здороваются хозяева со своими питомцами, и сказал ему, что сейчас я перемещу его в более комфортное жильё, после чего у меня в голове вновь появилась посторонняя реплика: зверёк благодарил меня»*. Лемминг стал разговаривать со зверьком, узнал много нового об аномалиях леса и его обитателях, сделал сотни записей и эскизов. Грызун также попросил парня пока не возвращать его в лес и поведал о некоем звере, который пугает и нападает на всех остальных зверей.

Лемминг продолжил свои вылазки. Раз за разом он находил новые аномалии: где-то климатические, где-то пространственные; но кое-что чуть не свело его с ума: он попал в аномалию, замораживающую время, и не смог из неё выбраться даже спустя миллионы попыток. Он метался между деревьями, пытаясь найти выход, но неизменно возвращался в начало. Но заметив, что энергия не кончается, что потребности в еде и сне не возникает, он успокоился. У него было бесконечное мгновение, чтобы подумать обо всём, у него было бесконечное количество попыток, чтобы найти выход. Вырезав из коры и сучков фигурку человечка, разговаривая с ней, чтобы не пропасть от одиночества, изучал каждый сантиметр, каждое дерево. Рисовал сотни карт и схем сначала на бумаге, а потом, когда карандаши и ручки исписались, а пустое

место в блокнотах закончилось, чертил ветками по земле. В конце концов, парень выбрался, повзрослевши на полвека, но оставшись в теле подростка. И эта аномалия стала любимым местом парня в лесу. Он, уже зная выход, приходил с кипой книг и вкусной едой, чтобы почитать, не тратя ни минуты реального времени. Приходил, чтобы рисовать, чтобы заняться наукой. Он даже пытался объяснить принцип работы этой аномалии, но, столкнувшись со множеством парадоксов, предпочёл оставить эту затею.

В лесу он познакомился со многими чудными зверями. Регулярно приносил им лакомство и изучал особенности их поведения. Никто из зверей его не боялся, все были к нему ласковы, будто благодарили за спасение их собрата-грызуна.

Однажды в очередной вылазке он нашёл пространственную дыру, которая привела его к забору, а за забором он обнаружил совершенно другой мир: он оказался в Высоком Мысе.

Каждый день – новое открытие. Лес, так пугающий горожан, оказался его вторым домом, стал неотъемлемой частью его повседневности.

Настало утро. Лемминг, проснувшись от очередного кошмара по мотивам минувшего дня, отправился на кухню, налил себе стакан воды и вернулся в кровать. В клетке зашелестели опилки.

– Всё в порядке?

– Да, вполне. Я начал заниматься одним проектом, благодаря которому сотни людей станут счастливыми, но прежде, чем начать, мне нужно было спросить разрешение у тебя. Я этого не сделал, прости меня.

– Что за проект?

– Люди будут приходить, смотреть на животных и радоваться. Это зовётся цирком. А в качестве животных я хотел бы пригласить всех твоих братьев из леса.

– А где мы все будем жить?

– В специальных просторных вольерах.

– И кормить будут?

– Да.

– Хорошо.

– Это будет нашим с тобой даром простым людям. Даром Леммингов.

13.

Прошло три недели с того момента, как Маша и Петя покинули Высокий Мыс и встретили Лемминга. Пришло время возвращаться. Маша, истосковавшаяся по дому, по родителям, по школе и одноклассникам, ждала этого дня с особым волнением. С самого утра она сидела на кровати, смотрела на дверь и ждала Лемминга, приговаривая: «Ну где же он?» Петя, твёрдо решивший остаться в Пислете, не сказал о своём намерении подруге. Он понимал, что она начнёт его отговаривать, призывать подумать о родителях, о будущем. Но Петя уже много думал о своём будущем, предвкушал, как будет работать, получать деньги и тратить их как заблагорассудится. Мечтал, как переедет в ту далёкую страну, о которой говорил Лемминг, где люди живут в просторных домах с бассейном, ездят на быстрых машинах и ходят на вечеринки. Где чистый воздух и свобода.

Лемминг стал проводить много времени с Дарбсом. Иногда в офисе, попивая чаёк, иногда на стройке, сложив руки на груди и выпрямив спину, наблюдая, как падают деревья, тракторы ровняют землю, а рабочие возводят стены. На стройку также повадился ходить и Дарбс-младший. Он всегда подходил к Леммингу, несколько секунд молча смотрел на тракторы и людей в огненно-рыжих жилетах, затем делал какое-то замечание о погоде, а после начинал говорить о своей возлюбленной, Ангеле, дочери Манткаригсова. Он долго рассказывал, как они гуляли, как он не знает, что она к нему чувствует, как он скучает по ней. После этого он благодарил парня за диалог, хотя не случалось обычно диалога: Лемминг лишь молчал, изредка кивая. Дарбс-младший никогда не делился этим со школьными друзьями. Школьные друзья не знали, что под маской крутого харизматичного шутника скрывается жалкий влюблённый подросток.

К Пете и Маше Лемминг зашёл утром следующего дня.

– Готовы возвращаться домой?

– Всегда готовы! – воскликнула девушка, повторяя один из лозунгов красных плакатов.

Петя промолчал. У него была договорённость с Леммингом, что Маша узнает о его, Петинном, намерении остаться в Пислете в самый последний момент, когда отговаривать будет уже поздно.

Ребята доехали на автобусе до трющоб северо-западной окраины, вонючими грязными переулками и пустырями через заброшенную железнодорожную насыпь по сугробам добрались до леса. Лемминг потребовал у друзей следовать за ним след в след. Через час молчаливого блуждания между деревьями ребята подошли к сосне, ничем не отличавшейся от других сосен. Разве что на этой желтело оранжевое пятно краски.

– Коснитесь ствола и закройте глаза, – велел Лемминг, перед этим взглянув на хмурищееся серое небо. Ребята прислонились к сосне и закрыли глаза. Когда же они их открыли, то увидели перед собой клён, зелёную траву, но всё такое же хмурое небо.

– Мы дома? – удивлённо спросила Маша?

– Практически, – ответил Лемминг. – Идите за мной.

Вскоре ребята вышли к забору, с которого всё и началось. Маша сняла куртку и штаны, оставшись в чёрной кофте и шортиках, в которых когда-то стояла по ту сторону. Петя не переодевался, он, пряча руки в карманы, потупил взгляд. Маша хотела спросить: «Ты чего?» – но сжала губы и понимающе кивнула, затем подалась вперёд, чтобы заключить своего друга в объятия, затем игриво потрепала его светлые волосы, равнодушно, в ответ на холодный взгляд, посмотрела на Лемминга, отдала ему вещи, и коротким рукопожатием, молча, они попрощались навсегда.

После того, как девушка скрылась за забором, Лемминг сказал Пете:

- Ещё не поздно вернуться.
- Шутишь? Я не собираюсь упускать шанс жить, как заслуживаю.
- Как знаешь.
- Вернуться назад я всегда успею.

Через пространственную аномалию парни добрались до убежища. Лемминг сказал, что со дня на день сделает Пете документы и устроит на работу: «Добро пожаловать в безобразный новый мир!»

Оказавшись на пляже, Маша не сразу пошла в сторону Высокого Мыса. Она села на песок и стала смотреть на волнение моря, пытаясь найти в волнах и далёком горизонте спокойствие. Её волновал рассказ Лемминга о таблетках. Как эти таблетки повлияли (и повлияли ли вообще?) на жизнь города, в котором никогда ничего чужеродного не появлялось? А вдруг город вымер, опустел? Вдруг в городе военное положение? Мужчины в чёрных плащах врываются в квартиры и бесцеремонно увозят жильцов на чёрных автомобилях? А если в городе всё нормально, как она, Маша, по приходе домой будет объяснять своей изгоревавшейся семье трёхнедельное отсутствие? Не найдя ответов у моря, девушка приняла лучшее, по её мнению, решение – легла на песок и закрыла глаза.

Часть 2.

1.

Пока Высокий Мыс ласкала мягкая погода, и море мочило тёплый песок, город Мирный обдувался холодными ветрами. Бронзовый профессор Довголевский, стоя на высоком гранитном пьедестале взирал строгим взглядом поверх круглых очков на стройные ряды кирпичных пятиэтажек, между которыми затерялись двухэтажное здание школы, столовая и поликлиника. В последнем учреждении терапевтом работал молодой, двадцатилетний, Лука Ленивец. Фамилия его была отнюдь не говорящей. Напротив, трудолюбивый Лука, окончив школу с единственной тройкой – по литературе – уехал в Великоград, в столицу, где выучился в медицинском институте, исполнив тем самым свою мечту, после чего вернулся на малую родину.

Выглядел Лука здоровым, стригся коротко, под белый халат всегда надевал пиджачок, доставшийся от отца. Не пил и не курил. В силу своих возможностей бегал по вечерам вопреки астме. Астму и свой низкий рост Лука считал существенными недостатками, которые могут воспрепятствовать счастью. А счастьем он считал – найти жену, с которой будут взаимная любовь и здоровые дети.

Лука, как он думал, работал ответственно. Однажды на приём пришла старушка, жалующаяся на частые головные боли.

- С каждым днём хуже, – сетовала она.
- Давление у вас повышенное. Каптоприл принимайте.
- У меня нет дома лекарств. Выпиши рецепт. Я схожу и получу.

По городу ходил приказ: не выписывать старикам лекарства из-за дефицита. Лука это прекрасно знал, но всё равно достал из верхнего ящика стола бланк, размашистым почерком расписался, поставил печать и протянул старушке. Та аккуратно сложила его пополам, убрала в потрёпанный кошелек и вместо благодарности сказала с осуждением:

– А чего ты врачом-то пошёл работать? Женская же профессия. Все мужики на руднике трудятся.

В ответ Лука лишь виновато улыбнулся.

Вскоре наступило время обеда. Лука снял халат, повесил его на крючок на двери, а с другого крючка снял шинель, надел её, вышел из кабинета, закрыл его, отдал ключ в регистратуру, вышел на улицу, перешёл через дорогу, зашёл в здание столовой, взял поднос, встал в длинную очередь к окну раздачи, отстоял её, получил еду и, сев за самый дальний от входа столик, зачерпнул ложкой щи. Напротив Луки неуклюже опустился пухлый весельчак сорока лет Кир Порфирьевич Булкин, работник местного токарного цеха. Кир любил обедать с Лукой и обсуждать последние новости.

– Слышал, на войне прижали мы Чужаков? – спросил токарь, дуя на ложку супа.

– Да, – соврал Лука. В газетах он всегда пропускал страницы о войне. К ней он относился негативно ещё со школы. Однажды, когда он учился в начальных классах, он спросил у учителя, почему нельзя отдать Чужакам часть территорий, чтобы прекратить войну. В ответ получил строгий выговор, поход к директору с родителями и ремень от отца. Чуть позже, когда на уроке литературы разбирали «Историю курсанта Отвагина», Лука, работая над сочинением по эпизоду с самопожертвованием одного из ключевых персонажей, написал, что жертва эта напрасна и её можно было бы избежать. Сочинение это вызвало огромное недовольство среди учителей и завуча. Лука с родителями был принудительно приведён на специально созванное собрание. Школьник предстал перед полукруглым столом, и на него устремились взгляды десяти людей в строгих костюмах с красными галстуками, его выругали и заставили поклясться на Своде, что подобные мысли прекратятся. В итоге, Луке дали 1000 часов Общественных работ, и он вынужден был после школы в течение нескольких месяцев допоздна мести улицы,

развешивать красные плакаты или помогать на складе. Единственный урок, который он уяснил на всю жизнь: соглашаться со всем, что говорят о войне, и не пытаться спорить с истиной, изложенной на страницах литературы и газет.

– Надеюсь, наши скоро победят, – добавил Лука.

Кир доел суп, поморщился и сказал озабочено, глядя на тарелку с пюре и стопку водки.

– Порции стали меньше, тебе не кажется?

Лука отрицательно покачал головой.

– Надо разобраться, – сказал Кир, быстро доел пюре, выпил стопку и отправился к окну раздачи.

Лука глянул на электронное табло. Красные цифры показывали время – без четверти четыре. Значит, в любую секунду войдёт молодая дама с выразительными глазами янтарного цвета, возьмёт еду без очереди, потому что очереди к этому моменту уже не будет, и с лёгкостью ветра пройдёт от раздаточного окна к столику. И когда дама входила, сердце Луки начинало бешено колотиться, лицо краснело, а взгляд безвольно устремлялся вниз.

Пульс приходил в порядок только тогда, когда дама, отобедав, покидала столовую. Все мысли о том, что нужно догнать её и познакомиться с ней, отбрасывались: «Куда мне, низкому и жалкому?»

Лука вскоре вернулся в поликлинику, повесил шинель на крючок, надел белый халат, сел за стол, взял ручку и на чистом бланке написал стихи:

Лютики, ромашки
Ясным днём цветут.
Стройная милашка
Песенку поёт.

Написанное ему показалось слишком детским, и он это размашисто перечеркнул ровной линией и написал новые строки:

Она явилась мне,
Когда уединённый край родной
Тонул в туманной красной мгле
И жил я, как и все, решённою судьбой
Она явилась мне,
Меня мир отрадной голубой каймой...

Посмотрев на написанное, молодой врач почесал затылок. Последние строчки никак не складывались в четверостишие. Лука искал подходящую рифму, обводя взглядом кабинет: шкафчик с препаратами для первой помощи, умывальник, красный плакат, на котором здоровый обнимает инвалида, – ничего не приходило на ум.

Зазвонил телефон. Лука поднял трубку:

– Слушаю.

– Лука Сергеевич, почему вы до сих пор обходной не взяли? – обходным в поликлинике называли список адресов, по которым кто-то когда-то вызвал врача на дом.

– Прошу прощения, я уже спускаюсь.

Лука скомкал листок со стихами, положил его в карман халата, халат поменял на шинель, закрыл кабинет и спустился к заведующей. Та дала ему обходной и отругала за опоздание. В списке – шесть адресов.

По первому адресу – женщина с высокой температурой. Когда Лука пришёл к ней, её сын с порога стал ругать врача за нерасторопность.

– Как же так? Три дня подряд ждём, названиваем! А если бы она умерла?

Любой доктор на месте Луки ответил что-то на подобии: «Мужчина, мы работаем по мере сил. Если вы не уважаете врачей, то вы не уважаете наше государство», – естественно, после этих слов нападки на врача прекратились бы, потому что государство должен уважать каждый. Однако Лука лишь робко извинился и проследовал в комнату.

– Здравствуйте, что вас беспокоит?

– Температура 39. Не опускается уже три дня, – простонала женщина.

– Ещё какие-то симптомы?

– Кашель.

Из своего чемодана Лука достал стетоскоп, прослушал пациентку, утёр пот с её лба и предложил:

– Госпитализацию не хотите?

– Нет, вы что? Это же надо документы на перевод собирать. Если бы больница была в нашем городе, я бы, может быть, согласилась. Выпишите мне лучше лекарства: завтра схожу и получу.

Лука заглянул в обходной, убедился, что пациентка ещё не достигла того возраста, когда лекарства не выписываются, дал ей рецепт, пожелал здоровья и ушёл.

Темнело в городе поздно. С каждым часом холодало. К семи вечера рабочий день большинства заканчивался и улицы пустели. Фонари зажигались. По красному рупору тяжёлым механическим голосом разносилось по дворам, заглядывало в квартиры объявление: «Уважаемые граждане, комендантский час наступит через тридцать минут. Просьба закончить все свои дела и отправляться домой. Слава Союзу!» Введение комендантского часа власти объясняли участвовавшими случаями нападения диких животных. В качестве прочих мер безопасности город обнесли колючей проволокой и вырубали тысячи квадратных километров леса вокруг. Луку объявление застало, когда он возвращался от третьего больного, а значит остальным трём придётся звонить в поликлинику завтра снова. Врач поспешил домой быстрым шагом. Вскоре, однако, дыхания из-за сильного мороза стало не хватать. Пришлось остановиться и вдохнуть лекарство через ингалятор. Лука, глянув случайно на одно из окон жилого дома, за задёрнувшейся занавеской, как ему показалось, поймал мимолётный взгляд янтарного цвета глаз. Надеясь, что ему не показалось, молодой врач долго всматривался в окно, но больше ничего не увидел. Снова заговорили рупоры: комендантский час наступил, на улице не должно оставаться ни души. Лука поднял воротник и быстрым шагом, надеясь, что его никто не заметит, отправился домой.

Дома его с упрёками встретила мать.

– Ты почему возвращаешься так поздно? Объявления не слышал?

Лука снял шинель и последовал за матерью на кухню. Хозяйка подала сыну две ложки гречи с ломтем хлеба. На кухню вошёл её свёкор и недовольно сказал:

– Ты чего его кормишь? Не заслужил он.

– Михаил Адольфович, он с работы пришёл, поесть надо, – вступилась за сына мать.

– Ме-ме-ме, поесть надо, – передразнил дед. – Устал, миленький, в кабинете сидеть весь день?

Михаил Адольфович сел напротив Луки и сказал, грозя пальцем то внуку, то снохе:

– Мужик должен на руднике работать, а не врачом. Слышишь, Лука? Твой отец, вон, весь день пахал, спит уже, но ест столько же, сколько и ты.

– Михаил Адольфович! – взмолилась мать.

– Что, Михаил Адольфович? Ну что, Михаил Адольфович? В семье все на одном руднике трудились, а этот решил, видите ли, врачом стать.

– Ему нельзя на руднике, у него астма!

– Пусть бы техникой управлял. У нас что, женщин мало, раз мужчин врачами берут?

– Уж не хотите ли вы сказать, – ухмыльнулась хозяйка, найдя, похоже, верные слова, чтобы заставить свёкра замолчать, – что вы сомневаетесь в государстве?

– Нет, – не растерялся дед. – Я сомневаюсь, что государство не сомневается в твоём сыне, раз позволило ему выбрать женскую профессию.

И долго ещё изливал желчь Михаил Адольфович. Хозяйка выталкивала его из кухни, а он продолжал из коридора. В конце концов ему надоело и он ушёл в комнату спать. Лука, всё это время виновато молчавший, принялся за еду.

Наступила ночь. Вся семья Луки спала в одной комнате. Отец, глава семейства, с женой на кровати. Дед на диване. Лука на раскладушке. В городе Мирный дефицит жилья, поэтому выдача лицензий на ребёнка ограничена, а в квартирах ютятся по три поколения.

Неделя за неделей тянулись. День похожий на другой: работа, столовая, Кир, недовольный маленькими порциями, дама с глазами цвета янтаря, вызовы на дом, ругань деда, сон. И всё по новой. Перемена произошла в одну из пасмурных сред – Кир пропал. Лука не предал этому никакого значения. Мало ли какие причины есть перестать ходить в столовую. Луку волновала лишь девушка с глазами цвета янтаря. Понимание, что просто так, застенчивыми взглядами, ничего не добиться, заставило молодого человека начать писать поэму. Он её писал на рабочем месте, в небольших перерывах между приёмами. Сочинял строчки в голове, пока шёл к пациентам на дом. Вскоре таким образом получилась аккуратненькая книжечка, которую Лука намеревался подарить даме, но каждый день откладывал это намерение по разным причинам: то народу вокруг слишком много, то наоборот слишком мало. И вот, очередным утром, плеснув холодной водой в лицо, потому что горячей не было, собираясь на работу, Лука в бесчисленный раз поклялся себе, что сегодня точно всё произойдёт. С этой клятвой он отправился на работу. С нетерпением ждал обеда. И когда дама с глазами цвета янтаря вошла, Лука собрался с мыслями, опустил руку в карман и, к своему глубочайшему разочарованию, понял, что книжка осталась в кабинете. Можно было бы, конечно, сбегать и вернуться – ведь недалеко. Но Лука этого делать не стал. Он, по своему обыкновению, дождался, пока дама выйдет из столовой, проводил её взглядом и вскоре вышел сам. «Ну ничего, завтра подойду», – успокаивал себя молодой врач.

Вечером, вернувшись домой, поев гречу с половиной ломтя хлеба, Лука умылся холодной водой и лёг спать. Ночью, перебудив семейство настойчивым стуком в дверь, явился человек, одетый во всё чёрное. Он вручил хозяйке какой-то документ, сказал одну фразу: «В восемь», – и бесшумно ушёл. В коридор вышли Михаил Адольфович, его сын и его внук. Женщина прочитала бумагу и с озабоченным видом передала мужу. Лука получил документ после деда и сразу обратил внимание на красную печать с надписью «*Военкомат*». Бумага оказалось повесткой.

– Ну, видимо мужская работа всё-таки нашла тебя, – радостно сказал Михаил Адольфович, хлопнув внука по плечу. Мать заплакала:

– А если убьют?

– Не убьют, – уверил Михаил Адольфович. – У нас в роду мужики все крепкие.

Лука испугался, что его действительно отправят на войну и он будет бегать с винтовкой от окопа к окопу, пока вокруг гремят миномёты и свистят пулемётные очереди. С другой стороны, может быть, его определят в госпиталь, и он будет бегать от одного раненого солдата к другому. Спасать жизни, а не отнимать их... Спасать жизни тех, кто их отнимает.

До самого утра мысли Луки не покидали сгоревшие холмы, пустой горизонт, боль и стоны. В пять утра молодой врач встал со своей раскладушки, отправился на кухню и стал

ходить из угла в угол всё думая и думая, иногда останавливаясь, чтобы взглянуть на часы и – стрелка неумолимо приближалась к семи. Через некоторое время на кухню пришла обеспокоенная мать. Шёпотом она спросила:

– Ты чего не спишь?

– Страшно, мама, – хотел ответить Лука, но промолчал.

– Не бойся. Может быть, тебя никуда не возьмут.

– А если возьмут? – обречённо спросил молодой врач.

– То всё будет хорошо. Там, на войне, хорошие условия, вкусно кормят и, когда ты вернёшься, ты будешь уважаемым человеком, получишь квартиру и машину. Война закончится со дня на день. Может быть, прямо завтра, когда ты поедешь в военкомат, всё и закончится.

– Зачем я нужен там? У меня же со здоровьем плохо.

– Если государство тебя вызвало, значит ты ему нужен. И ты должен не подвести его, потому что на кону жизнь твоей семьи.

И вот часы показали семь утра. Лука вышел из подъезда, и его сразу же окружили четверо высоких и крупных мужчин в чёрных плащах и шляпах.

– Куда-то собрались, товарищ Ленивцев?

– А вы кто? – спросил молодой врач, заглядывая в пустые, серые, как это раннее утро, глаза задавшего вопрос.

– Мы вас проводим.

– Но...

Луку схватили под руки и поволокли к машине. Он не сопротивлялся.

– Присаживайтесь, товарищ Ленивцев.

Перед ним открыли дверь чёрного седана. Никогда Лука не видел чёрных автомобилей. Все гражданские автомобили – белые. Автомобили экстренных служб – жёлтые, если это полиция, и красные, если скорая помощь и пожарные. Но чёрные... Лука сел. По бокам, рядом с ним, зажав плечами, расположились его сопровождающие. Седан завёлся и покатился по пустым улицам города Мирный.

Машина остановилась напротив точно такого же жилого пятиэтажного дома, как и все жилые дома в этом городе. Под конвоем Луку завели в подъезд, подняли на последний этаж, посадили в длинном узком коридоре перед кабинетом 501 и сказали ждать. Конвой ушел, но у молодого врача было чёткое понимание, что они, суровые мужики в чёрных плащах, где-то притаились на случай его попытки сбежать. А куда бежать? Город обнесён колючей проволокой, а за ней чистое поле. Ни дерева, ни дикого зверя.

– Товарищ Ленивцев, – открылась дверь кабинета 501, мужчина в рубашке цвета хаки с красными армейскими нашивками позвал Луку. – Присаживайтесь, – показал он на табуретку. Сам он сел во главе стола в кресло, представился Петром Марьяновичем и открыл голубую папку. – Что вы думаете о военной службе, Лука Сергеевич?

Луку этот вопрос застал врасплох, и он ответил первое, что пришло в голову:

– Я отношусь негативно к любым военным действиям.

– Да? – удивился Пётр Марьянович. – А знаете, почему идёт война? Потому что те дикари покушаются на наше богатейшее государство, на наши ресурсы. Вместо того, чтобы создавать что-то своё, они хотят отнять наше. С ними невозможно вести никакого диалога, потому что они неразумные и агрессивные. Война – это единственный выход. А люди, которые против войны, в частности вы, товарищ Ленивцев, оскорбляют наше государство и всех погибших за его честь. Вы, Лука Сергеевич, имеете крышу над головой, кусок хлеба и работу лишь потому, что храбрые честнейшие люди защищают наши границы от кровожадного врага. И знали бы эти люди, что некий товарищ Ленивцев из города Мирный, как вы там сказали, негативно относится к их подвигу.

– Но я такого не говорил, – робко ответил Лука. Он почувствовал, как его бросило в жар.

– Не надо оправдываться, товарищ Ленивец, – строго сказал Пётр Марьянович, листая содержимое голубой папки. – Тенденция к оскорблению ветеранов наметились у вас ещё со школы.

– Но я никогда не оскорблял...

– Дело даже не в оскорблениях, товарищ Ленивец. Вы узнаете это? – Пётр Марьянович достал откуда-то файл с книжечкой внутри – поэмой Луки. – Узнаёте? Мы нашли её на вашем рабочем месте.

Конечно Лука узнал эту книжку, о чём кивком сообщил своему собеседнику.

– В этой удивительной рукописи, товарищ Ленивец, есть строки, в которых вы негативно высказываетесь о нашем государстве, называете его серым и требующем перемен, – Пётр Марьянович процитировал несколько стихов. Луку ошарашили подобные обвинения. У него и в мыслях не было ни о чём негативно высказываться. Всё, что он хотел, – отразить свои чувства к даме с глазами цвета янтаря. Сказать, что окружающий мир меркнет перед её красотой. Но, как оказалось, окружающий мир меркнуть не имеет права. А уж тем более не имеет права меняться от полёта голубого шарфа и лёгкой походки какой-то барышни.

– Вы знаете, товарищ Ленивец, это очень нехороший поступок – писать такое. За это можно и по этапу отправиться. Не будете больше так делать?

Перспектива сесть в тюрьму испугала молодого врача. Коленки затряслись, а сердце заколотилось сильнее.

– Не буду, честное слово! – воскликнул Лука так, словно провинившийся школьник обещает отцу больше на получать двойку.

– Вот и хорошо, – сказал Пётр Марьянович, убирая файл с книжкой в стол. – Но позвали мы вас сюда не поэтому. Дело в том, что на фронте появился запрос на медиков. А вы, как я понимаю, медик... Ну чего это вы так перепугались? Вопрос об отправке вас на фронт пока не решён. Я просто вас уведомляю, что на передовой появилась потребность в медиках, а вы как раз медик. Настолько самостоятельный медик, что, игнорируя общегородские приказы, выпишивает лекарства лицам пожилого возраста. Ну что вы, Лука Сергеевич, так нервничаете? Ведь было же? Было! Было! Заполните, пожалуйста, этот бланк.

Пётр Марьянович протянул Луке желтоватую бумажку. Перепуганный Лука быстро заполнил её, начав с паспортных данных, закончив ответами на вопросы по типу «*Любимая еда*» и «*Болезни*». В любимую еду он вписал гречу, а в болезни астму. Пётр Марьянович осмотрел возвращённый ему бланк, кивнул и сказал:

– Так как официального распоряжения ещё нет, можете подождать в коридоре. Я вас вызову. Только оставьте мне, пожалуйста, ваш паспорт и книжку работника.

Лука сел напротив кабинета и стал ждать. Но ни через час, ни через два молодого врача не вызвали. Засидевшись, он стал бродить туда-сюда, от окна к окну по длинному коридору, иногда останавливаясь перед доской с информацией, чтобы осмотреть красный плакат с закинувшим на плечо винтовку военным и подписью «*Убивать ради жизни*» и перечитать первую полосу газеты «Правда», монолог вернувшегося с фронта солдата: «*Мы победили, в этом нет никаких сомнений. Враг слаб. Мы гоним их к Мёртвым землям. Совсем скоро они будут умирать в муках, а мы – пожинать плоды прекрасного будущего.*

Здесь, на гражданке, очень непривычно. Тяжело переживать расставание с верными боевыми товарищами, с которыми прошли огонь и воду, с которыми отдыхали в тёплом лагере, шутили и курили. Нашего командира отряда буду вспоминать добрым словом. То, как он помогал мне, когда я только приехал в лагерь, как проводил с нами вечера, травя анекдоты. С ностальгией буду вспоминать также и бои. Развлечение для настоящих мужиков! Чужаки ещё более беспомощные, чем это описано в школьной литературе. Любая перестрелка – это тир...» – Лука поморщился. Чтение этого текста раз за разом причиняло ему дискомфорт.

Да и ещё рядом с текстом изображён мужчина туповатого вида, во взгляде которого читалась злоба и ненависть.

Луку вызвали через восемь часов. Усталый и голодный, он сел на табуретку, надеясь, что его отпустят домой. Но надеждам этим оправдаться было не суждено.

– Ну, Лука Сергеевич, поздравляю! – довольным голосом сказал Пётр Марьянович. – Вы отправляетесь на фронт!

– К-как? – шокировано спросил Лука. Сердце его снова бешено заколотилось.

– Я же говорил, что на фронте нужны медики.

Лука не успел ничего ответить. В помещение вошли те, утренние, мужчины в чёрных плащах, подхватили врача под руки и увели. Лишь Пётр Марьянович сказал вслед: «Попутного ветра. Воюйте ответственно!»

Луку посадили в темноту кузова грузовика. За решёткой маленького окна под потолком поплыло вечеряющее небо. Молодой врач тихонько плакал от безысходности. Слезы капали на металлический пол. Обиднее всего, что не дали попрощаться с семьёй, взять какие-нибудь личные вещи. Оттого, что стихи, посвящённые любви, трактовали как-то неправильно, и теперь везут в клетке, как злого зверя. Оттого, что лишили спокойной, стабильной, размеренной жизни. Едва-едва, со дня на день, буквально завтра, Лука бы подошёл к даме с глазами цвета янтаря, и они бы наверняка стали счастливой крепкой семьёй. Она бы переехала к нему или он к ней. Получили бы лицензию на деторождение. Родился бы сын или дочь – дали бы квартиру. А ещё лет через десять машину... Но всё это мечты, которым не суждено теперь сбыться.

Грузовик остановился. Снаружи стали переговариваться. Видимо, водитель передавал пограничнику на КПП документы. Специальная дверца в кузове открылась, жёлтый фонарный луч ударил Луке в лицо, кто-то крикнул басом: «Порядок!» – и вновь темнота. Грузовик тронулся, оставляя позади город Мирный.

На границах городов неизменно происходили остановки для проверки документов. Паспорт Луки находился у водителя, поэтому молодому врачу не нужно было ничего делать. Пограничники иногда даже, нарушая инструкции, не заглядывали в кузов, чтобы сверить фотографию в документе. В городах грузовик останавливался у военкомата. Там Луке давали поесть, помыться, сходить в туалет. Иногда даже удавалось переночевать, выспаться, пока решались бюрократические дела. В дорогу давали сухари, свежую газету и наполняли флягу. В путь Лука отправлялся с новым водителем в новом грузовике. Дорога до следующего военкомата могла занять несколько часов, если не дней. Лука, уже смирившийся со своим положением, в дороге либо спал, либо читал газету, пропуская страницы о войне, либо смотрел, как за окошком проносились одинаковые леса и поля. Молодой врач находился в пути так долго, что казалось, пункта назначения он не достигнет никогда. С другой стороны, поездки утомляли. Хотелось приехать хоть куда-нибудь, поговорить с кем-то, кто более общителен, чем люди в военкоматах и постоянно меняющиеся водители. И на седьмые сутки с момента отъезда из дома, в жарком городе Зеленоморск, Лука повстречал светло-русого загорелого паренька в посеревшей майке и протёртых шортах. Он нетерпеливо бродил по коридору, периодически останавливаясь у двери кабинета заведующего военкоматом, чтобы прильнуть ухом и прислушаться. Когда парень увидел Луку, он, вероятно, приняв молодого врача за кого-то из местных сотрудников, спросил: «Вы не знаете, когда вопрос обо мне, Петре Хулуевском, решится?» – Лука отрицательно покачал головой.

Уже после обеда Лука вновь сидел в душном кузове грузовика. Команды покидать двор военкомата, однако, не поступало долгое время. Даже водитель стал нервничать и о чём-то ругаться с другими водителями. Оказывается, ждали того самого Петра Хулуевского. Он залез в кузов и плюхнулся напротив Луки. Настроение у мальчишки, судя по всему, было самым воодушевлённым. Водитель хлопнул дверью, завёл двигатель, и грузовик медленно покатился прочь из города Зеленоморск. На КПП проверка оказалась жёстче, чем в других городах. Луку и Петра заставили выйти из кузова и положить руки на раскалённый капот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.